ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

«АЛАНСКАЯ ЭПИГРАФИКА»: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И КОНЕЦ «ПОЛЕМИКЕ»

А. А. ТУАЛЛАГОВ

«No, no!» said the Queen.
«Sentence first — verdict afterwards».
«Stuff and nonsense!» said Alice loudly.
«The idea of having the sentence first!»
Carroll Lewis, «Alice's Adventures in Wonderland»

В своем ответе [1] на «полемическую статью» С. М. Перевалова [2], в силу ограниченности объема статьи, я не имел возможности подробно остановиться на всех «тезисах» ее автора. Поэтому сегодня я позволю себе обратиться к той ее части, которую «полемист» начинает так: «Все памятники выявлены зарубежными учеными: венграми Д. Моравчиком и Ю. Неметом, австрийцем Г. Хунгером, датчанкой С. Энгберг. Ни один из них не был осетиноведом, даже иранистом: три византиниста и тюрколог. В дальнейшем к изучению памятников подключались специалисты, из советских ученых — В. И. Абаев».

Чтобы адекватно представить процесс не только открытия памятников аланского языка, но и их научного исследования, следует обратить внимание на некоторые данные, опускаемые или просто неизвестные С.М. Перевалову. Первые публикации «Теогонии» Иоанна Цеца не содержали эпилога или той его части, в которой приводилась алан-

ская фраза. Текст стихотворного эпилога «Теогонии» Иоанна Цеца, содержащего среди нескольких фраз приветствий на различных языках, в том числе и аланскую фразу, был обнаружен в рукописи XV в. в 1927 г. византинистом И. Моравчиком в библиотеке Ватикана. Он был им опубликован через три года после находки [3]. Что касается самой аланской фразы, то исследователь ограничился некоторыми наблюдениями о сохранности фразы в связи с состоянием самой рукописи, оставив ее единственную без анализа. Одновременно он ссылался на сообщение Б. Мункачи о возможности интерпретации аланских слов, исходя из данных осетинского языка [3, 364], хотя Перевалов просто замечает, что аланские фразы «...уже в первой публикации Моравчика объяснялись из осетинского языка» [4].

Ссылка на мнение Мункачи имела свои важные научные основания. Мункачи, занимаясь долгое время исследованием финно-угорских языков, обра-

тил внимание на влияние на их лексический фонд со стороны иранских языков. В данном контексте с 1894 г. исследователь заинтересовался осетинским языком. Последующие целенаправленные исследования в этом направлении привели его в начале XX в. к созданию монументального труда, посвященного иранским и кавказским лексическим финно-угорских заимствованиям В языках, а также работ об аланских элементах венгерской лексики. Особое внимание на исследования Мункачи вскоре, например, обратил В.Ф. Миллер [5; 6], который, критически разобрав аргументы автора, признал реальным фактом прежнее соседство алан и мадьяр.

Мункачи, чьи работы фактически стали отправной точкой для последующих исследований в указанном направлении, обратился к данным осетинского языка, в чем ему, например, посильную помощь путем предоставления словарных и иных изданий на осетинском языке, личных консультаций оказывал известный дореволюционный государственный и общественный деятель Осетии Г.В. Баев. Но непосредственным изучением осетинского языка Мункачи занялся после знакомства с осетинскими военнопленными в 1917-1918 гг., попавшими в Венгрию в ходе Первой Мировой войны. Результатом работы стало издание в 1932 г. монографии об осетинской народной поэзии [7], которая получила высокую научную оценку со стороны В.И. Абаева [8].

Именно основательное изучение осетинского языка позволило лингвисту Мункачи еще до выхода в свет статьи И. Моравчика предварительно установить этноязыковую принадлежность аланской фразы, а затем определиться с интерпретацией ее отдельных слов, которые были им кратко приведе-

ны в одной из публикаций [9]. Поэтому вполне справедливым представляется замечание Абаева о том, что, «говоря о заслугах Мункачи в деле изучения осетинского языка, нельзя умолчать о том, что он первый обратил внимание на аланские фразы в произведении византийского писателя XII века Иоанна Цеца и правильно истолковал некоторые из них» [10; 11]. Тогда же Мункачи любезно обратил внимание и самого Абаева на публикацию Моравчика [12; 13; 14, 214].

Абаев представил свое прочтение фразы, в которой привел дополнительные аргументы в пользу прочтения Мункачи, а также остановился на незатронутой им части фразы, привлекая, в том числе, для палеографической консультации по увеличенной фотографии рукописи профессора О.О. Крюгера [12, 888-894]. Уже после смерти Мункачи в 1937 г. в свет вышла его статья, специально посвященная аланской фразе из «Теогонии» Иоанна Цеца [15]. Вскоре Д. Герхардт провел сравнительный анализ интерпретаций Мункачи и Абаева [16], который затем был учтен и Абаевым [17]. Таким образом, был окончательно установлен восточноиранский характер аланской фразы, а с точки зрения истории осетинского языка — близость форм аланских слов формам слов дигорского диалекта современного осетинского языка. Впрочем, по Перевалову, «наибольшее значение имели работы Бернарда Мункачи и Дитриха Герхардта» [4, 116].

В 1953 г. интересующую нас часть эпилога «Теогонии» Иоанна Цеца по рукописи XIV в. из Австрийской Национальной библиотеки, с приведением критического аппарата, опубликовал Г. Хунгер [18]. В ней представлены не только лучшей, по сравнению с ватиканской рукописью, сохранности ее части

аланской фразы, но и ранее неизвестная ее часть. Автор публикации исходил из установленного прежде восточноиранского (древнеосетинского) характера фразы, надеясь на дальнейшие исследования в данном направлении.

Перевалов ранее заявлял: «Но вот в 1953 гг. Хунгер издал тот же текст по новой, лучшей сохранности, рукописи, в которой удалось прочесть два новых аланских слова. И никаких откликов в алановедческой литературе! Об этой, почти пятидесятилетней давности «новинке» не упоминает даже академическая энциклопедия «Иранские языки» [19]. Сегодня, в связи с публикацией Хунгера, он замечает, что «публикация Г. Хунгера в византиноведческом журнале долгое время была невостребованной не только в отечественной, но и в зарубежной иранистике... византинисты работу Г. Хунгера знали и использовали... но иранисты и алановеды к ним не заглядывали...» [2, 8-9].

Действительно, например, отечественные византинисты отмечали публикацию Хунгера. Так, в «Истории Византии в трех томах», на которую ссылается в первую очередь «критик», Иоанн Цец представлен как «чуть-чуть скорбная и вместе с тем немного комическая фигура», владеющий «множеством языков, в том числе и русским, хотя на самом деле он вряд ли мог произнести что-нибудь, кроме несложного приветствия: «Здравствуй, сестрица» или «Добрый день» [20].

И здесь следует отметить одно принципиальное положение. Введение в научный оборот аланской фразы из эпилога «Теогонии» не являлось сепаратным. В научный оборот вводился целый отрывок эпилога, содержащий несколько фраз приветствий на языках различных народов. Для отечественных византинистов в нем, в первую очередь,

как видно из приведенного примера, была интересна фраза на русском языке. «Расширенный» подход диктовался вопросами изучения русско-византийских отношений и связей Руси с соседними народами. При таком подходе использовались данные и по аланской фразе с учетом работы Хунгера, но справедливо сохранялось указание на исследование Абаева [21; 22], поскольку в нем представлен ее научный анализ.

Интересна вторая сноска Перевалова на монографию А.П. Каждана и А. У. Эпштейн в подтверждение факта работы византинистов с изданием Хунгера. Исходя из логики самого «критика», она должна бы рассматриваться как пример «сотворчества с «западным» ученым!» [2, 10], т. к. является результатом начатой еще в 1979 г. совместной работы советского историка-византиниста Каждана, прибывшего в США, и его коллеги историка-искусствоведа Эпштейн. По сноске на с. 183 этой работы мы находим созвучное известному по советскому учебнику скептическое отношение к заявлению Цеца о собственных языковых способностях: «Tzetzes insisted that he was capable of greeting Latins, «Persians», Alans, Rus, Arabs, «Scythians», and Jews all in their own languages (Ex. 47). Whether he was able to converse with them further is another question». Издание Хунгера здесь никак не задействовано [23].

Оно созвучно и прежнему мнению одного из авторов монографии. «Иоанн Цец похвалялся своими способностями к чужим языкам и уверял, что говорит по-русски, по-алански, по-печенежски и на многих других языках, однако из каждого он знал лишь несколько приветственных фраз... Иоанн Цец, поэт и эрудит, как всякий неудачник, болезненно переживает свою бедность и постоянно стремится к самоутверж-

дению, напоминая о знатности своих родителей и о собственных знаниях... ведь бог не создал человека с лучшей памятью, чем у Цеца» [24]. «В XII в. Цец гордился своими знаниями в турецком, аланском, латинском, русском, еврейском языках, но, судя, по приводимым им фразам, его сведения ограничивались элементами бытовой лексики... Впрочем, многознайство византийцев XII в. подчас обманчиво...» [25].

В конце монографии Каждана и Эпштейн представлены переводы на английский язык отрывков из различных по происхождению письменных источников без приведения оригинальных текстов. К этой части монографии, видимо, и должна относиться сноска Перевалова на с. 257 и далее. Но непосредственно перевод отрывка из эпилога Иоанна Цеца с фразами приветствий на различных языках, в том числе и на аланском языке, приводится на с. 259. Он сопровождается сносками на публикации Моравчика и Хунгера, а из исследований указывается только работа Мункачи [23, 259-260], т.е. нет работ Абаева и Герхардта. По логике Перевалова, это могло бы указать на потерю историографических данных в результате «сотворчества»? Или мы имеем дело с «американизацией» подхода к историографическим вопросам?

Но «интереснее» другое. Поскольку авторы монографии давали перевод источника, без приведения текста оригинала, на английский язык, т. е. на тот язык, на котором была написана вся монография, то в таком контексте им и пришлось провести транслитерацию фраз-приветствий. Транслитерация должна принадлежать именно им, т. к. для некоторых других фраз-приветствий они пользуются транслитерацией, произведенной другими исследователями. Аланская фраза и получила у

них свое логичное выражение в форме Tapankhas mesfili khsina korthi kanda... To farnetz kintzi mesfili kaitz fua saunge. Именно эта транслитерация и будет затем представлена у Перевалова [26; 4, 119; 27].

Что касается заявления Перевалова о том, что иранисты и алановеды «не заглядывали» к византинистам, то оно некорректно ни по форме, ни по сути. Иранистам и не было необходимости «заглядывать» в исследования византинистов, решавших собственные научные задачи. Они непосредственно, в контексте собственных исследований, обращались при необходимости к публикации самого Хунгера, как это делал, например, известный иранист, чье имя хорошо известно в аланистике и осетиноведении, Ф. Тордарсон [28; 29; 30]. Надеюсь, это не вызовет вопроса: почему Ф. Тордарсон не удосужился отдельно заняться ее изучением? Но можно, только на основании данного частного примера, задаться вопросом: насколько мы компетентны, чтобы давать оценки состоянию иранистики? Насколько объективны наши «оценочные суждения извне» по опубликованным работам, в которых решаются те или иные конкретные задачи? В конечном итоге, сегодня можно «заглянуть» в ту же «Encyclopædia Iranica», чтобы обнаружить указание на публикацию Хунгера в статье об осетинском языке того же Тордарсона [31], которая была опубликована через несколько лет после смерти ее автора.

Перевалов для демонстрации «справедливости» своего замечания ссылается на отсутствие упоминания публикации Хунгера в статье Г. У. Бейли, помещенной в «Encyclopædia Iranica» [2, 9]. Видимо, исходя из доверия к мнению Перевалова, данное «наблюдение» повторяет затем Т.Т. Камболов [32]. Но данное

наблюдение в отношении взаимосвязанных статей В.И. Абаева и Г.У. Бейли в «Encyclopædia Iranica» [33; 34] ранее приводил Р. Бильмайер [35], который и не догадался превращать его в претензии к коллегам. Но и оно не представляется достаточно корректным.

Оба известных ираниста для аланской фразы из эпилога «Теогонии» Иоанна Цеца не приводили ссылок на публикации, вводившие фразу в научный оборот. Они ссылались на упоминавшуюся работу Герхардта, т.к. в данной работе был произведен сопоставительный анализ исследований Мункачи и Абаева, определивших восточноиранский характер языка фразы. Именно данное решение и было важным для иранистики с точки зрения определения этноязыковой принадлежности исторических аланов. Кроме того, иных научных исследований по данному направлению на тот момент просто не существовало. Именно таким положением, например, диктуется сноска К.Т. Витчака на работу Абаева об аланской фразе у Иоанна Цеца [36]. Собственно, ранее и сам Бильмайер, спустя почти четверть века после публикации Хунгера, в контексте задач своего исследования закономерно давал сноску только на работу того же Герхардта [37]. Стоит «порассуждать» о его компетентности?

Энциклопедия, объем статей в которой был строго ограничен даже по количеству слов (до 500), предназначена для сжатой фиксации основных научных достижений, а не для пространных проведений собственных исследований или списка библиографии. С другой стороны, показательно, в том числе в плане соблюдения научной этики, что, например, Дж. Ченг, опубликовавший в 2002 г. свою монографию по истории осетинского вокализма, о подготовке которой хорошо знали специалисты

в Осетии (переведена и издана здесь на русском языке в 2008 г.), спокойно указывает на интерпретацию аланской фразы из эпилога «Теогонии» Абаевым и Бильмайером [38]. Указание вполне корректно, т.к. работа Абаева и сегодня сохраняет свою научную актуальность.

Остается отметить, что Перевалов, делая свое «замечание» по поводу «Encyclopædia Iranica», не упоминает Бильмайера как своего предшественника по наблюдению. Впрочем, он вообще не упоминает его в своих публикациях, посвященных непосредственно аланской фразе [26; 4], в которых статья Бейли фигурирует для демонстрации того, как публикация Хунгера не используется ни европейскими аланистами, ни отечественными. Упоминание работы Бильмайера появится у него спустя годы, причем, в сложно воспринимаемом при чтении контексте [27, 85, 86]. При таком подходе остается только гадать. Если Перевалов приводит данное наблюдение непосредственно по «Encyclopædia Iranica», то оно должно восприниматься как его собственное? Что подразумевает под аланистикой Перевалов, исходя из его списка ее представителей?

Следует ли вспоминать, что ранее Перевалов считал [39; 40] алановедов представителями одной группы историков, которые потребляют факты из источников, добытые другой группой историков, а основные кадры алановедов состоят из «археологов с их культом вещественных памятников», которые не понимают первую группу историков? Что же касается исследования указанных эпиграфических памятников, то не являются ли здесь историки потребителями результатов исследований лингвистов или, как в известном научном анекдоте, «рыба может заниматься ихтиологией»?

В другой своей статье Перевалов указывал, что «даже в новейшей академической энциклопедии «Иранские языки» воспроизведен старый текст Д. Моравчика по статье В. И. Абаева без каких-либо упоминаний о рукописи Г. Хунгера» [41]. Эта мысль будоражит его и сегодня: «О находке не знали десятилетиями, еще в 2000 г. М. И. Исаев воспроизводил (кстати говоря — с ошибками) текст аланских фраз Цеца по статье В.И. Абаева 1935 года» [2, 8]. Перевалов хочет определять издание как энциклопедию. Его право. Что касается упущения Исаева [42] в издании 1999 г., то оно более касается не публикации Хунгера, а, например, работы Бильмайера. В такой ситуации представители научного сообщества могут и должны поправить положение. Но только делать это надо без выкриков и обвинений, если, конечно, поправка носит научный характер.

Некогда Перевалов провозглашал: «Ошибки бывают у всех, даже самых крупных ученых. Правильно организованное научное сообщество быстро преодолевает их самым простым способом — обращением к первоисточнику. При этом «ошибающийся авторитет может быть поправлен, но не осужден» (Абеляр]). Но ученая среда, в которой отсутствует критический настрой, порицания заслуживает» [39, 98]. Но, на деле, мы вновь наблюдаем разрыв между заявлением и практикой. Сам Перевалов в силу своей узкой научной специализации «поправить» положение не в состоянии, но в состоянии осуждать и порицать. «...Потребность заполнить существующий пробел, вызванный излишне узкой специализацией, свойственной нашему времени...» [4, 116], не может быть реализована «узким специалистом».

Положение было поправлено научным сообществом в лице того же Бильмайера еще до «открытия» Перевалова. Обращение к первоисточнику в данном случае означает работу с самой аланской фразой, которая может проводиться только специалистами по иранскому языкознанию. Для Перевалова, за которым не наблюдается «счастливого сочетания» в себе лингвиста, филолога и историка, доступна только греческая часть работы Иоанна Цеца, тогда как сама аланская фраза лежит вне его научной компетенции. Поэтому источником для «алановедов» являются не публикации Моравчика или Хунгера, а исследования Мункачи, Абаева, Бильмайера и др.

Исследования Бильмайера в области иранистики, в которой заметное место отводилось осетинскому языку, неминуемо вели к его обращению к данным Зеленчукской надписи, аланской фразы из произведения Иоанна Цеца и Ясского глоссария [43; 44]. Наконец, в 1990 г. в своем докладе «The Two Lines by the Byzantine Writer Johannes Tzetzes» на одной из научных конференций, опубликованном в форме статьи в 1993 г., Бильмайер предпринял новую попытку анализа аланской фразы, в первую очередь, основываясь на публикации Хунгера [35, 1-24]. Вскоре работа Бильмайера привлекла внимание А. Алемани [119].

Фактически одновременно с Бильмайером, в ходе собственного исследования, к этим данным аланской фразы обращался Д. Тестен [45]. Его работа была опубликована в сборнике, в который вошли, в первую очередь, материалы конференции 1991 г. Впоследствии к данным аланской фразы обращались и другие исследователи [38, 50, 54, 56, 76, 237, 140, 196, 219, 272, 299; 46; 47; 48; 32, 179-202; 49; 50]. Можно сделать только

один вывод. Слабое знание историографии вопроса активно сказалось на ошибочных утверждениях Перевалова и построенных на последних его «критических» выпадах. Желание опубликовать фразы-приветствия для того, «... чтобы в дальнейшем свое слово сказали специалисты: иранисты, осетиноведы, тюркологи» [4, 117], явно «вызрело» с запозданием.

Перевалов отмечает, вновь переходя на восклицания: «В последние десятилетия жизни В.И. Абаев ослабил свою активность, стал меньше следить за литературой, замены ему не нашлось, и достижения западных исследователей перестали поступать к советским ученым. Так, отечественная аланистика в течение 45 (!) лет находилась в неведении относительно весьма важного для алановедения памятника. В 1953 году Герберт Хунгер опубликовал в статье на немецком языке текст «варварских фраз» Иоанна Цеца по другой, более древней и лучшей сохранности Венской рукописи... О находке не знали десятилетиями... «Варварские фразы» Цеца для отечественных алановедов по Венской рукописи, с оригинальным текстом, критическим аппаратом, транслитерацией и переводом опубликовал в 1998 г. автор этих строк.., но до сих пор мне приходится сталкиваться с тем, что осетинские лингвисты с ней не знакомы и повторяют устаревшие данные Абаевской статьи 1935 г.» [2, 8].

К сожалению, это не первый выпад автора в сторону Абаева, произведенный на страницах «Вестника ВНЦ»: «Но происходившее в советские годы отчуждение от мировой науки (сказавшееся даже на творчестве В.И. Абаева) привело к тому, что отечественное осетиноведение, утратив свой некогда высокий уровень, скатилось к вульгарному провинциализму» [51]. Сложно

сказать, какие заслуги самого Перевалова уже на протяжении многих лет сделали его столь желанным для журнала автором, которому, ратующему на словах за научную специализацию, позволяется рецензировать даже... археологические издания [51, 63-64] и не только это. Хотя, возможно, вопросы надо задавать редколлегии журнала по поводу собственных оснований по отбору статей для публикации...

Видимо, не стоит доказывать, что оценка «последних десятилетий жизни Абаева» просто некорректна и неэтична, а научные заслуги и компетенция В. И. Абаева и «критика» просто не сопоставимы навсегда. Вспоминать ли, что leonem mortuum etiam catuli mordent? Иранистам публикация Хунгера была известна и до работы их коллеги Бильмайера. Некомпетентен «критик» и для оценки «научной кухни» Абаева, его отечественных и зарубежных коллег, с которыми он всегда находился в тесном и плодотворном научном сотрудничестве, о чем говорят те же работы Тордарсона и самого Бильмайера, хранимые ныне в личном фонде В. И. Абаева в СОИГСИ. Они свидетельствуют, без восклицаний, о том, что Абаев, в отличие от самого Перевалова, был хорошо осведомлен о современном состоянии иранистики, в том числе о продолжающихся исследованиях по вопросу аланских фраз Иоанна Цеца.

Почему он вновь не подключился к нему? Свое авторитетное слово он уже давно сказал, точно так, как сказал его в отношении Зеленчукской надписи, не возвращаясь к ее изучению впоследствии, несмотря на новые данные и работы. Он продолжал вести обширную и солидную научную работу в тесном взаимодействии с коллегами, видимо, не подозревая, что его, как и его коллег, научные деятельность и интересы

должны обязательно соотнестись с интересами и требованиями Перевалова. Ему, наверное, не приходило в голову, что он творит не в научном сообществе, в общем научном пространстве со своими коллегами, к числу которых относится и тот же Р. Бильмайер, а принадлежит к отдельному от своих зарубежных коллег научному миру. Видимо, он не подозревал о выпавшем ему «шансе» ввести аланскую фразу по работе Хунгера «в научный оборот отечественной науки» и ознакомить отечественных алановедов «с оригинальным текстом, критическим аппаратом, транслитерацией и переводом». Видимо, ему как великому ученому не было присуще то чувство, которое исследователи изящно и снисходительно обозначили «как определенное преклонение перед шармом зарубежной науки» [121, 18].

Да и сегодня, если преследовать сугубо научные цели, достаточно указать на прежние научные публикации, в которых представлены все перечисленные составляющие. Вполне оправданным является, например, сегодняшнее обращение В. А. Кузнецова к исследованию того же Бильмайера по частному вопросу аланской лексики [107]. Если и сегодня отдельные исследователи, не являющиеся лингвистами, используют только данные, взятые из статьи Абаева [108], то их можно корректно поправить и без огульного утверждения о повторении «устаревших данных Абаевской статьи», тем более, что такая «обобщенная оценка» результатов работы Абаева научно некорректна...

Видимо, и тот же Т. Т. Камболов должен задуматься над тем, что «осетинские лингвисты» до сих пор не знакомы с публикацией Перевалова, хотя ему пришлось работать непосредственно и с публикацией Хунгера. Из всех же «достижений» в публикации Перевалова

им отмечено только его сомнительное суждение по вопросам фонетики и отнесение начала строки 20а не к аланской лексеме, а, вслед за Хунгером, к греческому артиклю, вводящему иноязычный текст [32, 181, 187, 195, 199]. Из всех же перечисленных Переваловым собственных заслуг [2, 8] в публикации аланской фразы [26, 4-9; 4, 116-122], можно выделить, например, ее транслитерацию. Но можем ли мы вслед за другими исследователями [32, 185] однозначно воспринимать ее как сугубо латинскую, ведь и сам Перевалов отмечал, что «...слова фраз-приветствий на «варварских языках» транслитерируются латиницей» [4, 118]?

В собственно латинской транслитерации логичнее бы было ожидать, например, для начала фразы, переданной в монографии Каждана и Эпштейн как Tapankhas mesfili khsina, форму Tapanchas mesfili chsina. Обычно греческая х передается латинским сочетанием ch. Именно так передается соответствующий звук, например, в латинской транслитерации аланских маргиналий профетологиона (смотри далее. — A. T.) в Michail (греч. Μιχαηλ) pan («день Михаила») и в использовавшемся. Переваловым chutzau (χουτζαου). Передача греческой х через сочетание kh более подходит для англоязычного восприятия. Если бы транслитерация фраз, для которых давно установлен восточноиранский характер, исходила из задач соответствующего направления исследования, то данное начало, скорее, получило бы форму Tapanxas mesfili xsina.

Практическая необходимость транслитерации в контексте работы Перевалова и в вопросе изучения фразы остается без объяснений, имея предшественника в лице транслитерации из монографии Каждана и Эпштейн, в которой она была логична по общему язы-

ковому контексту самой монографии. Не нашел практической необходимости в приведении транслитерации лингвист Бильмайер. Перевалов, признавая, что не является лингвистом, ставил себе целью показать возможность текстуальной интерпретации фразы историком. Можно ли вообще надеяться ее достичь при таких изначальных условиях? Что же касается подчеркиваемой им роли публикации для ознакомления «отечественных алановедов» (учитывать само понимание Переваловым понятия «алановед»?), то, как говорится, suum cuique¹.

Остановимся и на утверждении Перевалова о том, что Ясский глоссарий был выявлен, обнаружен [27, 85] тюркологом Ю. Неметом. Данное заявление выглядит странным для того, кто знаком с работой Ю.Ф. Немета. Оно ставит иной акцент, например, в сравнении с заключениями исследователей, что Немет первым опубликовал Ясский глоссарий [53], был его первым исследователем [54], был первым из ученых, кто столкнулся с ясским диалектом [55]. Ясский глоссарий, возможно, являющийся копией не сохранившегося автографа [56] и составленный несколько позднее 12 января 1422 г., был впервые опубликован востоковедом, лингвистом и тюркологом Ю.Ф. Неметом, проанализировавшим содержавшиеся в нем аланские лексемы [57; 58]. Вскоре его работа, в несколько сокращенном варианте, была переведена и на русский язык. Абаев снабдил перевод своими примечаниями [59]. Немет кратко остановился и на истории выявления памятника.

Он был обнаружен, т.е. выявлен, его другом и коллегой, сотрудником Центрального будапештского архива Надем, который изначально посчитал, что имеет дело с тюркскими (печенежскими) словами. Он прислал

Немету два фотоснимка слов. Немет сразу обратил внимание, что, хотя в тексте было несколько тюркских слов, но в целом это не был список тюркских слов, а для латинского aqua - «вода» в тексте приводилось не тюркское слово, а индоиранское dan. Вскоре А. Ф. Надь, проводивший исследование документа, в том числе, с помощью современного технического оборудования, прислал и две транскрипции текста, исполненные им и палеографом Л.Б. Куморовицем. Это позволило. Немету в течение часа установить, что он имеет дело со словами ираноязычных ясов. Заканчивая филологическую часть работы, Немет вновь ознакомил со своей рукописью. Надя, Кумаровица, а также специалистов по среднелатинскому письму и языку Joh. Horvath, Lad. Mezey и иранистов L. Gaal, J. Harmatta, S. Telegdi (курсив мой. — A. T.).

Если у Перевалова не было возможности непосредственно ознакомиться с рецензией на работу Немета еще одного известного ираниста, чье имя также хорошо известно в аланистике и осетиноведении, И. Гершевича [60], то вполне свободно можно бы было ознакомиться с ее переводом на русский язык, «заглянув» в «Известия СОНИИ». Тогда бы «критик» узнал следующее: «Профессор Немет с помощью своих коллег — венгерских иранистов — преуспел в объяснении почти всех слов списка — превосходное же факсимиле позволяет читателю проверить его чтение» [61]. Впрочем, сегодня достаточно бы было «заглянуть» в ту же «Encyclopædia Iranica», давно доступную и через интернет [62], чтобы подробнее узнать о научной биографии Немета².

Тогда можно бы было констатировать, что Ясский глоссарий был обнаружен не «тюркологом Ю.Ф. Неметом».

Но именно он, как востоковед и лингвист, давно столкнувшийся в ходе собственных исследований с необходимостью привлечения данных иранистики, обладая широкими лингвистическими познаниями и эрудицией, привлекая помощь своих коллег, иранистов, в первую очередь, известного ираниста Я. Харматта, ввел его в научный оборот, одновременно дав объяснение ясских слов. Надо полагать, что это был не единственный случай подобной работы Немета с эпиграфическими памятниками [115]. И здесь следует обратить особое внимание на сам процесс введения в научный оборот открывавшихся эпиграфических памятников. И в случае с аланской фразой эпилога «Теогонии», и в случае с Ясским глоссарием, еще до их публикации происходит предварительное активное консультирование со специалистами в области иранского языкознания. К изучению подключаются специалисты в области палеографии. Исследования ведутся непосредственно по рукописям.

Аналогичный и единственно допустимый для научного исследования подход сохраняется до сего дня. Так, например, Л. Згуста, компетентность которого как лингвиста, в том числе в области иранистики, ни у кого не вызывает сомнений, обратившись в 1987 г. к анализу Зеленчукской надписи [43], в ходе проведения исследования прибегал к помощи и советам многих своих коллег, среди которых им отмечаются R. Bielmeier, J. Gippert, S. Gippert-Fritz, G. Hewitt, H. Hunger, M. Marcovich, M. Mayrhoffer, J. Nichols. Рукопись исследования, как и вышедшая несколько ранее статья о надписи, были прислана им В.И. Абаеву и Г.Ф. Турчанинову, которого, спустя десятилетия, так любит критиковать историк-античник С. М. Перевалов.

Приведенное в начале статьи заявление Перевалова, что эпиграфические памятники введены в научный оборот не осетиноведами и даже не иранистами, просто затуманивает реальную картину, искажает оценочные критерии процесса научного поиска. Это продолжение той же линии, которую Перевалов наметил в своей статье по аланским глоссам, объединив в ней свои «достижения» с примерами по аланской фразе из труда Иоанна Цеца и Ясского глоссария: «Все больше открытий в науке делается на стыке разных дисциплин, и наш случай — лишнее тому подтверждение» [63].

Открытие новых источников происходит в ходе собственного научного поиска, на основе собственной научной специализации и компетенции. Но их научный анализ сопряжен с конкретной научной специализацией. Она определяется их содержанием и может не совпадать со специализацией первооткрывателя. Открытия происходят не на абстрактном «стыке разных дисциплин», а в результате междисциплинарного сотрудничества специалистов, представляющих конкретные научные дисциплины. Для эпиграфических памятников, в первую очередь, это работа эпиграфистов и лингвистов, результаты которой затем могут «потребляться» историками. О каком «стыке» можно говорить в отношении «исследования» Перевалова аланских глосс, если статью писал историк-античник, не имеющий представления ни о греческом тексте, ни о самом оригинале, но интерпретирующий аланские (восточноиранские) глоссы через их невыверенные транслитерационные воспроизведения и пояснения к ним на английском языке?

С другой стороны, заявление Перевалова сопоставимо с критическим заявлением В. М. Гусалова, предшествовавшим

«критике» Перевалова: «Византийскую литургическую летопись IX века (? — А. Т.) с 30-ю аланскими глоссами в виде маргиналий находит не доктор наук из Осетии, а датская исследовательница. Последний факт — это предмет моего особенного изумления и одновременно разочарования последних лет» [64]. В таком контексте не удивляет и заявление Перевалова, видимо, попутно обнаружившего в себе еще и А.С. Пушкина на Кавказе, размышляющего над памятью о А.С. Грибоедове: «Глоссы на полях рукописи являются четвертым... надежно установленным памятником аланского языка и могли бы вызвать научную сенсацию, не будь мы так «ленивы и нелюбопытны» [51, 62].

Конечно, всегда удобнее разочаровываться в других. Конечно, всегда выгоднее подыскивать или трактовать примеры, способные «сыграть» в пользу своей позиции. Is fecit, cui prodest? Но открытие новых эпиграфических памятников происходит в ходе собственного научного поиска, и это открытие не обязательно бывает связано с узкой научной специализацией первооткрывателя или объектом его научных интересов на тот момент. Однако научное исследование такого памятника, сопровождающее введение его в научный оборот, как свидетельствуют и выше приведенные примеры, основано именно на научной специализации, в которой главную роль играет лингвистика.

В противном случае, не будем ли мы двигаться от средневекового «эрудита» Иоанна Цеца, с его «чуть-чуть скорбной и вместе с тем немного комической фигурой», который, «как всякий неудачник, болезненно переживает свою бедность и постоянно стремится к самоутверждению, напоминая о знатности своих родителей и о собственных знаниях», «гордится своими знаниями

в... языках, но, судя, по приводимым им фразам, его сведения ограничивались элементами бытовой лексики», по определению византинистов, до обращающегося к его наследию «современного Иоанна Цеца»? Ни при таком ли движении, в частности, можно придти к заявлению, вопреки мнению византинистов, что «Иоанн Цец, грузин по матери, видимо, неплохо знал алан и аланский язык» [4, 121]?

Позволим себе обратиться и к исследованиям рукописи профетологиона 1275 г. с пометками на аланском языке, которые по палеографическим признакам датируются XIV или XV вв. Документ был найден в 1992 г. в библиотеке Академии Наук в Санкт-Петербурге филологом С. Энгберг. Путем консультаций было предположено, что пометки составлены на осетинском или близком ему языке. Тогда же информация о находке со списком пометок в латинской транслитерации была размещена в интернете. Подключение к исследованию специалиста по индоевропейским языкам А. Лубоцки, известного своими работами в области иранистики и читающего курс лекций по осетинскому языку, позволило определиться с языком маргиналий как аланским (староосетинским) языком. Но, к сожалению, подготовка издания всех маргиналий, которое планировалось сопроводить обширными лингвистическими и палеографическими комментариями, литургическим описанием, заметно затянулась.

По инициативе директора Центра скифо-аланских исследований В.М. Гусалова, обратившего внимание, в том числе и мое в ходе устных бесед, с последующим предоставлением факсимиле, на информацию о находке, в журнале Центра «NARTAMONGÆ» была опубликована совместная статья

С. Энгберг и А. Лубоцки. В ней был представлен анализ Лубоцки трех маргиналий [65]. Предварительно информация об исследовании была представлена Гусаловым и в местных СМИ [66]. Впоследствии опубликованные материалы были проанализированы Камболовым [32, 202-207].

Впервые о находке профетологиона и об интернет-обращении Перевалов, как и я, но, судя по всему, несколько позже меня, узнал, несомненно, через устную информацию Гусалова [19]. Ситуация вполне понятная. Например, через устную информацию Лубоцки о находке узнал Алемани, о чем он корректно отметил в своей работе [46, 25]. Сегодня Перевалов, подчеркивая особые достижения зарубежных исследователей, отмечает, что именно ими были опубликованы три глоссы, «не все из них осетинские», Владикавказский научный центр объявил об этом как о собственном достижении, хотя открытие было сделано зарубежными учеными, о публикации, якобы, всей рукописи с 30 глоссами, хотя опубликовано было только 3 из 32 [2, 9]. Надо ли понимать так, что ВНЦ присвоил себе чужие научные достижения, даже не имея конкретных представлений о них?

Далее Перевалов сообщает уже о себе: «В дальнейшем уже я, основываясь на заметке в Интернете, помещенной С. Энгберг, и некоторых доступных мне фотокопиях, попытался определить остальные глоссы: в моей подборке аланских (староосетинских) оказалось 19 из 32» [2, 9]. Оставим в стороне вопрос о том, что все три опубликованные глоссы аυтеопросор, аотерак пау, ζιρην кар пау являются «староосетинскими», т. к. замечание исследователей о свободном транскрибировании и сокращении глоссатором греческих заголовков [65, 42] не имеет отношения к исследо-

ванным глоссам. Оставим также в стороне вопрос о компетентности ВНЦ, тем более, что она благоприятствовала возможности публикации статьи самого Перевалова.

Данная статья показательна сама по себе. В ней не упоминается об изначальном источнике получения информации о находке через уже ушедшего из жизни Гусалова, а три опубликованные глоссы считаются прочитанными... поосетински. Сама статья сопровождается рассуждениями о роли интернета в современном научном пространстве, публикацию первого интернет-обращения с просьбой помочь определиться с языком маргиналий предлагается считать введением источника в научный оборот.

Повод для написания статьи автор усматривает в задержке издания полного исследования всех глосс, в связи с занятостью Энгберг, что дает «...смысл обратиться к материалу, что содержится в вышеупомянутой электронной заметке...» Далее следует привычное для Перевалова высказывание-убеждение о том, что заметка «...до сих пор остается вне поля зрения отечественных осетино- и алановедов» [63, 17]. Первым же поводом считается 15-летний юбилей со дня «появления первого сообщения о находке в Интернете».

«Юбилейный повод» является показательным. Еще в 2002 г., т.е. спустя почти 10 лет после публикации интернет-обращения, Перевалов признавался (курсив мой. — А. Т.): «Виталий Михайлович Гусалов приводил пример прохладного отношения общественности (и власти) республики к уникальной находке — неопубликованной средневековой рукописи с аланскими словами (мне также неизвестной) ...» [19]. Перевалов, часто критикующий других исследователей за то, что они не работают непосредственно с самими источниками, для себя считает вполне допустимой такую работу. Причем, у него даже не возникало желания непосредственно ознакомиться с оригиналом профетологиона, который, в отличие от эпилога «Теогонии» и Ясского глоссария, находится не в зарубежных фондах, а в библиотеке РАН Санкт-Петербурга. Судя по всему, и 20 лет спустя призывающий других исследователей ex fonte bibere, сам не собирается следовать призыву, хотя работа именно с эпиграфическими памятниками более всего требует ex ipso fonte bibere. He coбирается ему следовать именно тот, кто утверждал, что «между исследователем и источником не должно быть никаких посредников»... [39, 99]

Сегодня Перевалов указывает, что основывался в работе и на нескольких доступных ему копиях. Судя по самой статье, речь идет о тех же факсимиле, которые и были приведены в публикации Энгберг и Лубоцки.

Перевалов заявляет, что не относится к знатокам иранских языков и при необходимости обращается к разработкам специалистов. Нам остается только верить ему на слово, ведь ранее он вполне считал для себя возможным не только рецензировать археологические издания, но и выступать в роли официального рецензента учебного пособия для студентов, изучающих осетинский язык, Камболова «Очерк истории осетинского языка». Нам остается только полагать, что приводимое Переваловым, в качестве «оценки» состояния у нас исследований по истории аланов, заявление Гусалова о том, что правилом хорошего тона у нас считается, в том числе, «...заниматься их историей, не владея древне- и среднеиранскими... языками» [64], к нему самому в данном случае не относится.

Судя по статье, он в некоторых случаях непосредственно прибегал и к консультациям Камболова. Такой подход следовало бы приветствовать, если не вспомнить отзыв самого Перевалова на работу Т.А. Габуева [40, 207-215], который для привлечения, например, данных китайских источников обращался к консультациям четырех специалистов-синологов. Вновь заявляя о необходимости работать непосредственно с оригинальными источниками (реальным первоисточником), на языке оригинала, без всяких посредников, проводить «...специальное историографическое исследование, чтобы не открывать заново америк», он отказывался признавать работу научным исследованием, сетуя, что «...дилетантские сочинения продолжают регулярно появляться даже на страницах академических изданий». Вспомнив об этом, вернемся к публикациям Перевалова в научных журналах.

Сегодня Перевалов, демонстрируя свое активное сотрудничество с зарубежными исследователями, приводит письмо к нему Лубоцки, который благодарит его за присланную «прекрасную статью» по аланским глоссам, но отмечает сомнительность трактовки им глоссы № 10 [2, 9]. Приветствуя доброжелательное со стороны Лубоцки восприятие статьи в целом, что делает честь автору письма как ученому и человеку, отметим, что замечание по глоссе № 10 может служить конкретным примером способов «работы» Перевалова. Используя интернет-обращение, где глосса дана в транслитерации рі pinlachu tzau pan с пояснениями о том, что речь идет о кануне Пятидесятницы (Троица), автор статьи, поскольку «chutzau немедленно вызывает в памяти ос. хуыцау «Бог», т.е. без обращений к разработкам или консультациям

специалистов, меняет словораздел на рі ріпlа chutzau рап (просто по Каждану: «...ведь бог не создал человека с лучшей памятью, чем у Цеца»). Далее следует указание на осет. хуыцаубон — «воскресенье» и этнографически фиксируемое празднование хуцаубон в мае месяце, относимое, по Миллеру, к Троице. Значение двух первых слов рі ріпlа оказывается неясным и только поэтому объявляется необходимость специального анализа, в том числе графологического, по оригиналу.

По оригиналу оказалось, как предварительно указывал Лубоцки еще Гусалову [2, 9], что глосса имеет форму πητζινακ χουτζαου παν, в которой не два, а одно первое слово — πητζινακ (аланское *bicinæg — «печенег») [67]. У Перевалова основой для рассуждений служат «позывы памяти», в которой всплывают иронские формы осетинской лексемы хуыцау, хуыцаубон, не объяснимые даже для транслитерации chutzau. Сопоставление же, по существу несопоставимых, транслитерации рі pinla с действительным πητζινακ оригинала только заставляет усомниться в попытке рассматривать интернет-заметку как введение памятника в научный оборот.

Хотя Перевалову не понравилось мое замечание по поводу чтения жинвальской надписи о том, что оно «лежит на поверхности для любого исследователя, занимающегося изучением аланских древностей», но оно вполне применимо и для нашего случая. В основе «толкований» Перевалова лежат установленные наукой факты. Глоссы уже надежно отнесены специалистами к аланскому (восточноиранскому) языку, к анализу которого традиционно привлекаются данные современного осетинского языка, в первую очередь, дигорского диалекта. Для постоянно

встречающейся лексемы лач, по той же фразе из эпилога «Теогонии» и Ясского глоссария, давно и надежно установлено значение «день» и сопоставление с осетинским «бон». Не вызывают труда трактовки имен Иоанн, Михаил, Димитрий, Илья, Григорий, Басил. В случае прямого сопоставления, например, tzu var с данным в интернете пояснением «крест» легко произвести изменение словораздела на tzuvar и указать на осет. дзуар, опуская такие «мелочи», что дается иронская форма слова, тогда как дигорская форма — дзиуарæ.

В целом, такой подход «вызывает в памяти», например, как в несвязанном эпическом фрагменте из труда Мовсеса Хоренаци, упоминающем о страстном желании аланки Сатиник получить растение artaxowr и росток tic' [46, 374] из подушек Аргавана, сторонники «идеи» тюркоязычия алан «открыли» целую аланскую фразу «Артахур хапарны тиз, хапарчи (хапарцы)» со значением «Переходи, рассказчик, к заключительной части сказания» или «Последнее сказание изложи, сказитель» [68; 69]. Так, упоминание травы, якобы, имеющей магическое воздействие на судьбы людей, которую желала добыть Сатиник, т.е. добивалась любви их владельца [70], «проросло научным открытием».

Есть ли принципиальная разница в подходах Перевалова и сторонников «идеи» тюркоязычия аланов? Да, есть. Первое основано на научно установленном факте ираноязычия аланов, поддерживаясь известными лингвистическими фактами, имея надежную основу в данных осетинского языка, а при мультидисциплинарном подходе позволяет, например, задействовать данные осетиноведения. Второе исходит из субъективных желаний, поддерживаемых квазинаучными аргументами. Есть ли принципиальная схожесть между под-

ходами? Да, есть. Работа ведется без обращения к источнику in visu, на основе простого подбора по созвучию, что облегчается в первом случае наличием некоторых пояснений на английском языке. Но сам такой подход, в целом, давно получил в научных кругах определения «сирены созвучий» и «лингвистической алхимии». И здесь нет разницы в том, что лингвистическая наука стоит на стороне не связанного с ней историка-античника, а лингвистические фантазии на стороне лингвиста-тюрколога. Видимо, можно критиковать сторонников «идеи» тюркоязычия аланов, как делал Перевалов по поводу аланской фразы из эпилога «Теогонии», и не задумываться над тем, что такая критика может оказаться применимой и к себе самому.

Видимо, остается также вспомнить о прежнем, крайне спорном [120], заявлении историка-античника Перевалова, что «наука о древних аланах, с учетом сегодняшнего ее состояния, должна быть антиковедческой дисциплиной par exellence» [40, 209]. В отношении аланской фразы у Иоанна Цеца, не зная действительного положения в иранистике, уже ощутил «...потребность заполнить существующий пробел, вызванный излишне узкой специализацией, свойственной нашему времени...» [4, 116] Теперь же он смело отошел от заявленного принципа «антиковедческой дисциплины», лично преодолел «излишнюю узкую специализацию» и занялся толкованием... восточноиранских лексем. Прогресс саморазвития или прогресс принципов?

Попытаемся воспроизвести ход «работы» Перевалова. Например, он для глоссы № 10 дает следующий комментарий: «sara varan istipan. По Энгберг — saturday of pentecost, «суббота Пятидесятницы», перевод, очевидно, сверен с

греческим названием. Угадываются два аланских слова: первое — sar, **cap** в значении «начало» (недели?), третье istipan, диг. Истбон — «праздник, праздничный день». Чтение среднего слова предстоит уточнить» [63, 20].

Поскольку мне, в отличие от Перевалова, не известен словарь аланского языка, то привычно пользуясь словарем осетинского языка, извлекаемые из которого лексемы и служат в действительности основанием для изменения словораздела в глоссах (точнее, в их транслитерационном воспроизведении), «угадаю» не три, а два слова, тем более, что ни в одном из осетинских падежей не найдется формы сæра. Итак, предлагаю — saravaran istipan. Второе, как и «угадано», сопоставимо с дигор. истбон — «праздник», «праздничный день» [71], а первое — с дигор. сæрæвæрæн в значении «начало», «основание», «установка чего-либо» [71, 452]. Общее значение глоссы можно увязать с представлениями о том, что Пятидесятница (Троица) считается днем рождения Церкви Христа Спасителя, т.е. ее начала, основания, установления.

Надеюсь, что Перевалов уже ответил Лубоцки по поводу его вопроса о том, насколько хорошо засвидетельствовано дигор. истбон [2, 9]. Сам вопрос Лубоцки вполне симптоматичен, хотя им следовало бы задаться, в первую очередь, редколлегии «Вестника ВНЦ». В библиографическом списке статьи Перевалова словарь Ф.М. Таказова указан. Но в самой статье он *ни разу* не задействован, и все дигорские формы лексем приводятся, таким образом, по факту в авторской подаче. Вполне естественно, что они именно так и должны бы были восприниматься Лубоцки.

Такая «плавающая система» оформления Переваловым своих статей применяется им не в первый раз. Замечание Бильмайера по поводу аланской фразы Иоанна Цеца в «Encyclopædia Iranica» также «авторски» приводится Переваловым, когда статья Бильмайера может присутствовать или отсутствовать в библиографическом списке, но в самих текстах в данном случае не задействована. Приводится и транслитерация фразы при наличии в том же библиографическом списке монографии Каждана и Эпштейн, не задействованной в данном случае в самом тексте. В отношении жинвальской надписи то появляется, то исчезает упоминание Э. Уилера. Все эти «нюансы», как и некоторые другие, оказываются, в силу разных обстоятельств, неуловимы для исследователей. А в результате мы имеем не только простое Перевалова признание «известным российским алановедом» [110], но и «специалистом в исторической лингвистике», которого ставят в один ряд... с Л. Згустой [111].

А сам Перевалов лично спешит ознакомить со своими публикациями Уилера и Лубоцки. Таков путь «приобщения» к европейской науке как истинно исторической науки, к «мировому научному уровню»? Само спешное создание собственных публикаций диктуется тем, что «наше время требует быстрых изданий, и некоторая спешка выглядит вполне оправданной» [51, 59]? Этим и только этим? Отсюда желание увидеть скоропостижные отклики на свои скоропостижные труды? Или при такой «спешке» можно не заниматься «блохоискательством», как «фольклористически» называет Перевалов изучение историографии [2, 4]?

Обратимся к глоссе № 17. Могу только подозревать, что она присутствует на факсимиле, украсившем обложку журнала «NARTAMONGÆ», в котором была опубликована статья Энгберг и Лубоцки. Перевалов сопровожда-

ет ее следующими «рассуждениями»: «avina ti pani. Последнее слово по аналогии с предыдущими глоссами должно означать **пан/бон**, «день». Согласно Энгберг, это день «(памяти) нападения врагов», (in memory of) the assault of the enemies. Контекста нет, подбор аланского эквивалента «врагам» и их нападению вызывает трудности, тем более что есть определенные сомнения в правильности чтения. До ознакомления с подлинником приходится лишь строить догадки. Если ликвидировать словораздел и читать avinati, то -ti можно рассматривать как окончание мн. ч. -тæ. При некоторой правке текста, также гадательной, возможны варианты с диг. жзнагтж, «враги» (предложено в личной беседе Т. Камболовым), или авин**сæг**, «подстрекатель» [63, 21].

Поскольку подлинник не представлен, контекста нет, можно позволить себе «определенные сомнения в правильности текста», «строить догадки», давать «правдоподобное толкование», «ликвидировать словораздел и читать», «некоторую правку» неизвестного текста, «также гадательную». Можно вообще не принимать во внимание «врагов», т. к. дигор. (æ) знаг и сон — «враг» явно не созвучны транслитерации глоссы (форма второго слова явно и более позднего происхождения). Отсутствие позволит предположить, контекста что глосса в данном случае не связана с дословным воспроизведением, пример чему дает маргиналия πητζινακ χουτζαου παν. Вновь не имея под рукой словаря аланского языка для подбора «аланского эквивалента», прибегнем к использованию осетинских лексем, в соответствии с которым «предложим» словораздел — avi nati pani. Учитывая известную, например, по аланской фразе эпилога «Теогонии», Ясскому глоссарию и самим маргиналиям передачу при написании звонкого d через τ (t), «внесем исправление» — avi nadi pani ($\alpha \beta \eta$ у $\alpha \tau \eta$ $\pi \alpha v \eta$).

Первую лексему «сопоставим» с осетинским разделительным союзом в вопросительных предложениях жви — «или», вторую — с лексемой «над» в значении «битый», «избитый», «побои», образованную от глагола «немун/немын» — «бить», «колотить» [72; 73; 71, 47, 379, 382, 709]. Форму nadi «можно рассматривать» как форму родительного падежа, как в дигорском названии вторника — Геуæргибон («Георгия день»). Ту же форму родительного падежа предположим для pani, для которой Перевалов только в следующей глоссе № 18 вдруг замечает необъяснимое окончание -і, Таким образом, мы «приближаемся» к смыслу «нападения врага», т.к. где нападение, там и избиение. Также «предположим», что глоссатор, занятый необходимостью нанесения пометок для своей богослужебной практики, в данном случае, не находя эквивалента для понятия из греческого текста, одновременно ставил для себя глоссу в противопоставительное и вопросительное положение. Возможно, его глосса была и ближе по смыслы к неизвестному нам контексту. Без первого словораздела в avinati, для усиления «научности подхода», «предположим» наличие ныне мертвого преверба жв-, возводимого специалистами к *abi- (др. инд. abhi, др. перс. Abiy).

Можно «продемонстрировать» и иной, более простой подход. Предположим, имея тому примеры, неправильное восприятие глоссы при транслитерации авторами интернет-обращения, Заменим β на ζ . Учитывая пример из тех же маргиналий, что η может передавать α , а τ — d (α υτεση ρ — α υτατη α υνη, в котором первое слово сопоставляем

с диг. ждзжнадж — «мертвая тишина», «затишье», «безмолвие» [71, 54]. Вновь не составляет труда соотнести такое определение с пояснением in memory of the assault of the enemies. Причем, предполагаемая «правка» менее масштабна, чем «некоторая правка текста» для сопоставления с жзнагтж или авинсжг.

Теперь просто остановим «игры разума» и зададимся некоторыми вопросами. Попытался ли я «определить глоссы» и «подготовить алановедов» к моменту полной публикации глосс, как заявляет о себе Перевалов? Нет. Представил ли я их научный анализ? Нет. Открыл я, в частности, оригинальное аланское название дня Св. Троицы? Нет. Почему? Потому что я, вслед за Переваловым, изначально игнорировал основные принципы научного исследования, используя известные специалистам наработки в иранистике и осетиноведении для придания своим «догадкам» и «гаданиям» наукообразную форму. Могу я вслед за Переваловым заявить: «Тот подход хорош, который дает результаты. Мой дает, поскольку обеспечивает получение нового знания: новых (без всяких кавычек) источников, интерпретаций, методик, постановку новых проблем» [2, 7]? Нет. Почему? Потому что я, вслед за Переваловым, получал «новое знание» через «новые источники», «интерпретации», «методику» и «постановку новых проблем»...

Возможен ли «подлинно научный анализ... только после полной публикации глосс», как заявляет Перевалов? Возможен. Причем, это будет именно научный анализ, который и является сам по себе подлинным, когда основывается на изучении первоисточника in visu, проводится в рамках соответствующих научных дисциплин, чьи представители профессионально владеют соответствующим научным инстру-

ментарием. Представленные же наблюдения позволяют задуматься над тем, зачем Перевалову необходимо было указать на то, что известные эпиграфические памятники были выявлены не иранистами и осетиноведами, а интернет-обращение предложить рассматривать как введение эпиграфического памятника в научный оборот³.

Чтобы еще более ясно представить себе «мировой научный уровень» работы Перевалова, сравним ее с одной из работ, представленной в интернете. Речь идет об академическом weblog'e, где помещены некоторые публикации молодого исследователя П.А. Керкхофа. По представленной в нем информации, Керкхоф, обучаясь в университете г. Лейден, специализировался по истории, культуре и литературе раннесредневекового периода. В ходе обучения он уделял особое внимание изучению древних языков — германских, средневековых славянского и кельтского, классических греческого и латинского. Среди других индоевропейских языков изучались армянский и осетинский, второй из которых в университете был представлен курсом лекций Лубоцки, который ранее посещал и упоминавшийся Дж. Ченг. П. А. Керкхоф прошел и летний курс нахо-дагестанских языков. Судя по всему, курсы осетинского языка дали свои плоды, если судить по переводам Керкхофа небольших сказаний осетинского Нартовского эпоса на английский язык с языка оригинала.

15 августа 2011 г. Керкхоф поместил в weblog'е свою небольшую статью, посвященную аланским глоссам профетологиона [74]. В статье используется интернет-обращение 1992 г. С. Энгберг, статья 2003 г. Энгберг и Лубоцки, опубликованная в «NARTAMONGÆ». В ней не используется вышедшая в том же 2011 г. статья С. А. Иванова и А. Лу-

боцки, посвященная анализу глоссы пητζινακ χουτζαου παν. Если данная статья на тот момент еще могла быть неопубликованной, то еще ранее опубликованная в 2007 г. в «Вестнике ВНЦ» статья С.М. Перевалова остается невостребованной.

Керкхоф, основываясь на публикации Энгберг и Лубоцки, изначально определяется с греческой транскрипцией для передачи слов аланского языка. Он отмечает, что перехода а→о перед носовым -п относился Абаевым к XII в., но пример маргиналий и Ясского глоссария позволил Лубоцки отнести данный переход к более позднему времени⁴. Далее Керкхоф, разобрав проанализированные Лубоцки аланские глоссы, обращается к анализу глоссы из интернет-обращения tzu var urnag, сопровождаемой вопросительным знаком. В отличие от Перевалова, который предлагает считать интернет-обращение введением источника в научный оборот, молодой исследователь Керкхоф, уже «обремененный» лингвистическим образованием, сожалеет по поводу наличия только латинской транслитерации и отсутствия всего греческого предложения, к которому относится глосса. Ему приходится произвести обратную транслитерацию «двух слов» tzu var, чтобы получить τζουβαρ.

Исходя из пояснения в интернете, что речь идет о «возвышении святого креста», легко предлагается сопоставление с осетинским (ирон.) дзуар
— «крест» как заимствованием из грузинского языка. Время заимствования
логично определяется до времени составления глосс. Таким образом и производится прямое сопоставление интернет-пояснения «крест» с осетинским
дзуар, что произвел Перевалов. Но, как
и у Перевалова, не обращается внимание на сопоставление с ирон. дзуар, а не

с дигор. дзиуарæ, что может быть интересно в плане наблюдений за историей становления осетинских диалектов. Керкхоф не анализирует второе слово urnag. Перевалов предлагает... от себя сопоставление с дигор. урнæг — «верующий» и стоящее дальше по письму предположение Камболова — урдугæй («стоять стоймя»).

В целом, общее и различие в подходах к анализу глоссы Керкхофа, получившего соответствующее лингвистическое образование, и историка-античника Перевалова заключаются в том, что для самостоятельной работы достаточно, например, обратиться к «Историко-этимологическому словарю осетинского языка» Абаева, где представлена и лексема «дзуар/дзиуарæ», в которой по традиции, заложенной Миллером, на первое место ставится иронская форма. Но в том же словаре нет дигор. урнæг, т.к. нет параллельной иронской формы. Но дигор. урнæг представлено, например, в «Дигорско-русском словаре» Ф. М. Таказова [71, 521] 5.

Что касается приводимых Переваловым сведений о воздвижении креста, орудия казни Христа, приобретенного императрицей Еленой, то они соотносятся с пояснением в интернете — exaltation of the holy cross, что переводится как «воздвижение святого креста», т.е. подразумевается механическая установка креста. Такое восприятие вполне соответствует христианской традиции. Но мы все же имеем дело с английским exaltation. A если его понимать как «возвеличивание», «восхваление», которое более относится к идее ревностного почитания креста в христианской вере или молитве? Тогда дигор. урнаг представляется более предпочтительным. A если tzuvar urnag cooтносится с пояснением «holy cross» (αγιος

σταυρος)? Можем мы быть уверены в точности транслитерации и не предположить, памятуя, скажем, о «честном кресте» (τιμιος σταυρος), что глоссе соответствует, например, дигор. урнуйнаг (ирон. уырнинаг) — «заслуживающий веры», «достоверный» [71, 521]? «Остается» только узнать, что из неизвестного греческого текста «прокомментировал» глоссатор, и какое понимание он мог бы вложить в свою глоссу. В данном случае к осторожности подвигает и замечание, что глоссатор обладал хоть и хорошими, но пассивными навыками в работе с греческим текстом [65, 42] и уже не понимал всех греческих обозначений праздников [121, 64].

Собственно, установление значения tzuvar изначально легко было произвести через осетинское определение празднества «Чырыстийы дзуар ссарæн бон» — «День находки креста Христова» [7, 221-222]. Но, в целом, вызывает сомнение возможность использования последнего в плане установления ретроспективной связи, т. к. аланская христианская традиция и осетинская христианская традиция вряд ли в данном случае взаимосвязаны. С другой стороны, показательно, как другие исследователи, непосредственно обратившись к первоисточнику, нашли для аланской глоссы параллель в четко читаемом слове ДЗОУВАР (начальная согласная более соответствует современному осетинскому слову, оставляя открытым вопрос о передачи глоссы в интернет-обращении. — A. T.) на камне с изображением креста из района, где была найдена знаменитая Зеленчукская надпись [121, 25]. Тем самым, исследователи и расширили круг эпиграфических памятников аланского письма, что может теперь помочь Перевалову составлять собственный список «аланской эпиграфики». Кстати, у них для такого списка можно найти и другие новые данные [121, 50-51].

Второй анализируемой глоссой у Керкхофа является упоминавшаяся рі pinlachu tzau pan. Исследователь справедливо опознает в ней дигор. хуцау «бог», произведя обратную транслитерацию χουτζαυ (в действительности χουτζαου. — A. T.), но далее сопоставляет с ирон. хуыцау, которое также рассматривает как заимствование из грузинского языка. Перевалов сразу, «по памяти», сопоставляет с ирон. хуыцау, что традиционно для порядка приводимых форм в словаре. Изменение через опознанную осетинскую лексему словораздела позволяет ему рассматривать chutzau pan как ирон. хуыцаубон — «воскресенье», т.е. «божий день». Но не замечено, например, что в осетинском языке мы имеем дело с одной лексемой, а в маргиналиях она предстает в форме двух лексем.

Для Керкхофа изменение словораздела после опознания осетинской лексемы основывается на его наблюдении, что факсимиле в публикации Энгберг и Лубоцки показывает его зависимость от наличия свободного места для маргиналий. Керкхоф посчитал очень возможным, что аланский перевод «пятидесятницы» содержал слово «бог». Но публикация глоссы А. Лубоцки и С. А. Ивановым, еще не известная Керкхофу, показывает, что все три слова πητζινακ χουτζαου παν нанесены отдельно, непосредственно друг под другом [67, 596], а транслитерация в интернете неточна, как в самой транскрипции, так и в словоразделе 6 .

Мне не известно, заносил ли Владикавказский научный центр в актив своих достижений статью Перевалова. Но, как можно понять, сам Перевалов заносит свою статью в актив собственных научных достижений. Все это про-

исходит на фоне постоянной «критики» отечественных исследователей за непрофессионализм, провинциализм, несоответствие мировому научному уровню, который определяется наличием западноевропейской науки, что в свою очередь, видимо, проецируется на роль самого Перевалова в науке, и т.д. Причем, эта «критика», как отмечали исследователи, порой переходит все грани корректности своей назидательностью и вызывающе-оскорбительной манерой. «Критика» вообще является одним из излюбленных мотивов публикаций Перевалова, даже по поводу работ отечественных специалистов, которые он сам, как они замечают, не читал [90]. Конечно, Перевалов будет не согласен с таким определением, ведь его оппонент непременно «подменяет предмет спора» [109].

«Критика» выплескивается даже страницы... некролога: «Издания В. М. Гусалова — наиболее зримый результат его деятельности как организатора науки... Долго добивался публикации в Nartamongæ (2003. II.1-2) новонайденной рукописи из С.-Петербурга с аланскими глоссами (четвертая подобная находка за столетие с лишним), вылетал в Питер делать копии, доволен был страшно, привезя их. Недоумевал, даже переживал, когда обнаружил, что никого из «алановедов» это почему-то не интересует. «Никто даже не позвонил. Ну как же так?» — спрашивал он меня после первой газетной, затем журнальной публикации. Увы, причину он ранее уже называл сам: неинтеллигентность нашей интеллигенции. И дилетантство, мешающее отличить большое от малого, зерна от плевел» [91].

И вся эта «критика» вновь на страницах «Вестника ВНЦ». Твердая уверенность в своем эксклюзивном знании о глоссах за счет бесед с Гусаловым. А

в будущем ни единого слова об источнике своей информации в собственной статье по аланским глоссам, в которой велась «подготовка алановедов» при своеобразии представлений о них, знакомство с глоссами только по некоторым фотокопиям, хотя Гусалов «...вылетал в Питер делать копии, доволен был страшно, привезя их». Но на поверку есть только три фотокопии, которые и опубликованы в «Nartamongæ», как только недавно, «полемизируя» со мной (есть все-таки положительные результаты в «полемике», хоть «мы ленивы и нелюбопытны»), вскользь вспомнил С. М. Перевалов, «усилиями В. М. Гусалова» [2, 9]. Причем, Перевалов в своей статье считал, что отсутствие нумерации «...затрудняет их использование в качестве полноценного источника» [63, 19], но, как мы знаем, предлагал считать интернет-обращение введением источника в научный оборот, что, конечно, легче, чем самому «вылететь в Питер»...

Декларируемые на словах Переваловым принципы научного исследования порой с трудом можно соотнести с его собственной практикой. Как известно, практика и является критерием истины. А практика невольно подталкивает к мысли, что «критика» более похожа на монолог человека, который рассказывает о себе, но в третьем лице. Как замечал сам Перевалов в том же некрологе, «в науке, как и в любом другом виде человеческой деятельности, важно не только, *что* сказано, но и *кем*». Хорошо сказано. Но кем?⁷

Показательно, что Перевалов призывает к тщательной историографической работе, когда сам демонстрирует крайнюю ограниченность собственной историографической базы исследований, о чем, в частном порядке, говорилось и выше. Не поэтому ли он, в частности, предпочитает порой работать в

своеобразном и спешном «жанре малых произведений»? Для аланской фразы из «Теогонии» Иоанна Цеца достаточно бы было привести указания на прежние научные публикации. Но что тогда останется от собственной «работы»? In omnibus aliquid, in toto nihil? В чем будет ее «научная актуальность» и «собственный вклад», если не включать в нее «критику» всех и вся?8 Все это, вкупе с «критическими выпадами» в отношении отечественных специалистов, невольно заставляет обратиться к воспоминаниям Е.Е. Кузьминой о своем наставнике, известном востоковеде и иранисте М. М. Дьяконове, обучавшемся у Г. Моргенстерне, Е.С. Бертельса, А. А. Фреймана:

«Будучи носителем лучших многовековых традиций европейской науки, Дьяконов обязательными условиями любого исследования считал совершенное знакомство со всей литературой вопроса, пиетет по отношению к своим предшественникам и уважительный, корректный тон критики.

Научную эрудицию он полагал не главным, но обязательным качеством ученого. (Поэтому сегодня меня так коробит в работах молодых отечественных ученых полное небрежение к трудам предшественников, заимствованное у американцев, не имеющих традиций научных школ и выдающих последнюю статью за последнее слово в науке, хотя очень часто — это всего лишь компиляция того, что давно установлено в Европе, в том числе — в России)» [104].

С. М. Перевалова уже давно сложно отнести к категории молодых ученых. Видимо, сложно заставить его задуматься над его собственным утверждением, что излишняя скромность — «...это скорее недостаток, чем достоинство для ученого», ведь все это происходит на фоне «щепетильного вопроса» о своем месте

в научном мире и своей научной компетенции, которая исподволь поддерживается и теми его «наблюдениями», которые приведены выше. Не отсюда ли и отсутствие «пиетета по отношению к своим предшественникам и уважительного, корректного тона критики», которое сквозит в его оценке «последних десятилетий жизни» В.И. Абаева?

Не знаю, поможет ли задуматься знакомство со стихотворением Б. Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...», но нам, в данном конкретном случае, стоит задуматься над воспоминаниями члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева о словах, сказанных В.И. Абаевым в день его 75-летия: «Я никогда не суетился и не добивался никаких званий, кроме одного звания, которого я добивался настойчиво — звания студента Петроградского университета»... Если бы меня сейчас спросили, какая наука важнее всего в наше время? Языкознание? — Я ответил бы — нет. — Физика? — Нет, не физика. Сейчас для нас важнее всего этика»... Пять лет спустя, беседуя с научной молодежью о методологии научного труда, я напомнил им эти слова. Этика, красота и корректность отношений, красота речи, красота труда, красота вообще много ли мы думаем об этом?».

Трубачев также отмечал: «Сам Василий Иванович постоянно учит нас примером своей жизни не отрывать деятельность ученого от всей его нравственной личности... Не ошибусь, если скажу, что фигура В.И. Абаева, человека и ученого, покоряет нас именно своей и н в а р и а н т н о с т ь ю в истории наших общественных и научных течений. Совсем не смешно, когда в нашей неспокойной действительности, особенно среди тех, кто быстро «вариирует», появился крикливый тип людей, требовательно зовущий всех, буквально в с е х

к покаянию. Будем снисходительными к этим людям: как правило, это те, кто не так уж много сделал в жизни, поэтому возможность поучить других их приятно возбуждает. Ведь замечено, что учат, «как надо» работать, как правило, тех, кто работал больше других. Этот небезопасный сорт поучателей и призывателей к покаянию, кажется, даже получил у нас меткое название «литературных чекистов». Не будем их недооценивать, при всякой перестройке такие всплывают на поверхность, они мешают (и мешали) жить таким хорошим работникам науки, как Василий Иванович Абаев...»

М. И. Исаев указывал: «Необходимо еще отметить и такую черту ученого, как исключительная научная добросовестность. Хорошо зная соответствующую литературу, он на нее ссылается всегда четко. Кроме того, он тщательно документирует все свои иллюстрации точными ссылками на соответствующую литературу. В его трудах немало указаний даже на устные свидетельства тех или иных ученых или просто «информаторов» и корреспондентов автора».

Исаев также вспоминал о замечании, которое Абаев высказал в день своего 80-летия: «Но когда человек умирает... существенными остаются только две вещи: во-первых, что дал этот человек обществу, своему народу, своей стране, человечеству, каким творческим трудом была отмечена его жизнь; и во-вторых, какой светлый след он оставил в сердцах тех, кто знал его лично, или, если не знал лично, то составил о нем определенное представление, определенный образ по его делам, по всему его жизненному поведению. Этот второй момент — человеческий образ — не менее важен, чем его профессиональные достижения, а в плане морального воздействия он даже еще более важен. Короче говоря, творческий труд и человеческий образ — вот что оставляет человек в наследие людям» [105]. Действительно, «в науке, как и в любом другом виде человеческой деятельности, важно не только, что сказано, но и кем»...

Абаев в «последние десятилетия жизни» не только продолжал плодотворно работать, но внимательно следил и помогал становлению молодых иранистов [112]. Мое обращение к личному фонду В.И. Абаева, хранимому в СОИГСИ, только еще раз подтвердило то, что великий ученый не только активно работал в свои «последние десятилетия жизни», он внимательно следил за современными общественными и политическими событиями. Он активно продолжал работать и на благо научного сообщества, оставаясь верным сторонником самой важной науки — этики. Так, в его фонде представлены интересные проекты начала 1990-х гг. по созданию Союза ученых. В них обсуждались и вопросы этики в научном сообществе. Приведем такие наблюдения и рассуждения в проекте д. ф.-м. наук А.В. Чернавского, над которыми нам также стоит задуматься:

«Для молодого ученого цель завоевания положения в обществе через продуктивность своих научных занятий вполне понятна и имеет большое значение, и он должен получить поддержку. Для сложившегося ученого она должна отойти на второй план или совсем исчезнуть... В той или иной степени, на тот или иной период научная проблема становится частью его «Я», не только его собственностью, но просто частью его самого. На самом деле очень трудно указать грань, разделяющую использование своих научных успехов как оружия в борьбе за самоутверждение, за «место под солнцем» и переживания научного результата как части своего «Я». Но истинное научное творчество не может не пройти этой стадии отождествления «Я» с предметом научного труда. Это естественно приводит к проблемам и конфликтам в научной жизни... Вероятно, нормальным является постепенное отчуждение "своих" результатов, но иной раз дело доходит до патологии, и в таких случаях этические критерии, возможно, уже не применимы...» [106].

^{1.} Аланское приветствие из эпилога «Теогонии» Иоанна Цеца, видимо, еще будет привлекать внимание специалистов. Произведение было написано для Ирины, супруги старшего брата царствующего Мануила Комнина. Сам Иоанн Цец, неоднократно пытавшийся выделиться своей ученостью и эрудицией, называл себя «знатным ивиром», ошибочно считая ивиров, авасгов и аланов одним этносом (интересно, что гораздо ранее Иоанн Лид (Lyd. De mens. IV, 146) утверждал, что «колхи, называемые также лазами, суть аланы»). Эти попытки выделиться явно сказываются и в его аланской фразе, т. к. ее вторая часть, бесспорно, выходит за пределы допустимого приветствия (сравни и его еврейскую фразу), намекая на предосудительную «связь» представительницы аланской знати со священником.

А. Алемани, обращаясь к письмам патриарха Николая Мистика по вопросам христианизации Алании, выделяет проблемы беззаконных, с точки зрения христианской церкви, браков аланской знати, для которых находит параллель в осетинской традиции «побочных жен». В отношении проблемы «слабости плоти» исследователь и вспоминает «о пылких аланских девушках в "Теогонии" Цеца» [46, 258]. Но данное свидетельство относится к более позднему времени. О «пылких аланских девушках» более напоминали бы сообщения Михаила Пселла и Зонары о том, как Константин IX Мономах (1042-1055 гг.)

после смерти своей жены приблизил к себе находившуюся при его дворе в качестве заложницы дочь аланского правителя. Ей дали чин севасты, почитая как императрицу, с почетом принимали делегации слуг отца. В результате в Аланию хлынули византийские богатства. Но после смерти императора аланка утеряла все свои привилегии. В контексте самой аланской фразы из «Теогонии» можно бы было обратить внимание на комментарии к пятому правилу св. Апостолов патриарха Антиохии Феодора Вальсамона (1186-1203 гг.), в которых говорится о разъяснении митрополита Алании, что священники в его стране всегда вступают в запрещенный брак.

Для Иоанна Цеца могли иметь значение известные ему события отношений при византийском дворе прежнего времени, именно на которое приходятся хорошо известные случаи заключения брачных союзов между византийскими, аланскими и иберийскими правителями, установления тесных связей между Византией и Аланией. Здесь, в первую очередь, привлекают внимание сведения из биографии Марии (Марты) Аланской, дочери иберийского царя Баграта IV и аланской принцессы Борены, сестры аланского царя Дорголеля. Мария была удочерена византийской императрицей Феодорой (1054-1056), но после смерти той вернулась домой. В 1065 г. она вновь отправляется в Константинополь и выходит замуж за будущего императора Михаила VII Дуку (1071-1078). Мария сделала своим приемным сыном будущего императора Алексея Комнина (1081-1118), а его брата Исаака Комнина женила на своей двоюродной сестре аланке Ирине, которая также могла быть дочерью Дорголеля. Ко времени переворота Комнинов в 1081 г. Ирина была монахиней (Ксения) в Петрийском монастыре, но после получения Исааком титула севастократа становится севастократиссой. Их сын Адриан (Иоанн) Комнин стал патриархом Болгарии (Никифор Василака, Никифор Вриенний, «опись епископов» Болгарии). Правитель Трапезунда Феодор Гавра в 1091 г. женился на двоюродной сестре Ирины.

Как сообщает Иоанн Скилица, когда царственный супруг Марии был низложен и принужден принять монашество, узурпатор Никифор III Вотаниат (1078-1081) сначала привлек к себе Евдокию. Но славившийся своей добродетелью монах предотвратил продолжение этой связи, напомнив Евдокии о многих способах побороть свои желания. Тогда Никифор, чтобы узаконить свою власть, женился на Марии Аланской, хотя ее муж-монах был еще жив. Священник, освятивший брак, был сразу осужден, т.к. брак являлся святотатством и прелюбодеянием в глазах церкви. Мария Аланская после смерти Никифора также приняла монашество, а ее муж-монах Михаил простил перед смертью вину своей жены.

Иоанн Цец, кичившийся своей генеалогией, возводил ее по материнской линии именно к Марии Аланской, называя свою прабабку-авасту кровной родственницей Марии, которую он также называл авастой. Не историю ли «брака-прелюбодеяния» Марии Аланской, в которой так активно были замешаны ее второй муж узурпатор Никифор, священники и ее первый муж Михаил, теперь уже монах, так «эрудированно» преподнес Иоанн Цец в своей аланской фразе? Не те ли нравы и интриги византийского двора Иоанн Цец так своеобразно «переложил» на образ безымянной аланки, т. к. для «супруги» (Мария) «господина» (Никифор) ее положение в незаконном браке было бы, якобы, не столь постыдным, как «связь» со священником, который в действительности был ее законным мужем, но теперь монахом (Михаил)? Заметим, что у Иоанна Цеца греческое παπας — «священник» переводит σαουγγε, т. е. σαουγεν, соответствующее дигор. саугин — «священник», «поп». Последнее буквально означает «носящий черное», что, как справедливо было замечено В. И. Абаевым, первоначально означало одетых в черное монахов [52]. В таком случае возможна бы была и поправка в отношении передачи Иоанном Цецом аланской фразы на греческий язык.

2. «...From 1909, as the fellow of the prestigious Eötvös College, he studied in the Budapest

University under the guidance of Zoltán Gombócz, Bernát Munkásci, Ignác Goldziher, and Armin Vámbéry... His scholarship was devoted almost entirely to various aspects of Ottoman-Turkish studies. A few works of his, however, reached over to Iranian studies too and made lasting contributions to this field... A word list on the back of a document dated 1422 CE, discovered in the Hungarian National Archives, was the object of Németh's research of the Yazygian (Hungarian jász) people, their presence in Hungary, and their language. He identified the document as a glossary of Yazygian words and phrases mostly with Latin and in six cases with Hungarian glosses. With remarkable philological skill and erudition he was able to restore almost all elements of the text and authenticate them with an impressive critical apparatus. He would consult his fellow scholars, especially the Iranist János Hartmatta, and include their views into his publications irrespective of whether they were in agreement with him or not. He compared his findings partly with Yazygian data already established in Hungary and partly with the two dialects, Iron and Digor, of the Ossetic language. With this new data he reviewed Yazygian personal and place names found in Hungarian documents and made important corrections in their forms. He also found that Yazygian was so close to Ossetic, that they constituted two different dialects of the same language, rather than two different Iranian languages. From the two dialects of the Ossetic language it was the Digor that showed greater similarity to Yazygian. In recognition of his scholarship, in 1930 Németh was granted the privilege to establish the Department of Turkish Philology and Hungarian Ancient History. In view of the importance of Persian for Ottoman studies, in this department he also provided home for Iranian courses. For decades, lecturers and native speakers from Persia would teach classical and modern Persian language and literature and colloquial Persian according to his program».

3. Все это напоминает о его «полемике» со мной по поводу жинвальской надписи, в пылу которой С.М. Перевалов вдруг заявляет об «интерпретации второго слова надписи» ВАКОUР А Λ ANA Д. Браундом, которую сам Перевалов затем подтвердил «по автопсии» [2, 5]. Но Браунд не занимался интерпретацией А Λ ANA, а дал транслитерацию надписи в целом, как он ее воспринял in visu, далее обратившись к рассмотрению первого слова — имени Бакур. Поэтому и не было никакого «специального комментария» по поводу А Λ ANA, которое Браунд никак и не воспринимал.

Не было и никакой «автопсии» на момент интерпретации у Перевалова, т.к. впервые в жизни он непосредственно увидел надпись (судя по его публикациям, видимо, единственный такой для него случай применительно ко всему его списку эпиграфических памятников), спустя 8 лет после своей интерпретации. Иное прочтение надписи Т.С. Каухчишвили, как предшественника в исследовании, закономерно с точки зрения не учтенной Браундом конечной -ς. Мной предлагались возможные подходы к решению чтения надписи, т.к. вполне справедливым было наблюдение С. М. Перевалова и А.С. Балахванцева, что если бы второе слово было передано через греческий язык, то мы бы столкнулись с формой Аλανоς.

Однако, возможно, сегодня следует привлечь внимание к тому, что в древнем северопричерноморском ономастиконе, несомненно, связанным с сармато-аланским источником, встречаются и формы мужских имен, оканчивающиеся на -ας (Αταμαξας, Ατταμαξας, Βανας, Πιδας, Φιδας, Φουρτας). Подобный пример зафиксирован и в раннесредневековом греческом граффити из Сентинского храма ([I] οανας) (121, 249. 252, III.C.о). Собственно, ставить Каухчишвили в позицию еще одного своего предшественника, что может создать иллюзию прежнего спорного положения с прочтением надписи, для Перевалова достаточно сложно. На момент своего прочтения он вообще не знал о ее существовании, да и теперь с ее работой, несмотря на сноску, он сам знаком, видимо, только со слов А.Ю. Виноградова, чья интерпретация всей надписи сопоставима с интерпретацией Каухчишвили. Куда делись «позывы памяти»?

Далее, вдаваясь в постороннюю для «полемики» тему, Перевалов заявил, что отсутствие (sic! — A. T.) у Д. Браунда комментария по $A\Lambda ANA$ не снижает значения его публикации, т.к. «историк-древник в состоянии понять значение греческого или латинского слова без перевода на современный язык». Но повторим, что Браунд и не ставил в данном случае перед собой задачи понять значение греческого или латинского слова. Понимание вскоре проявил Э. Уилер, исходя из собственных научных интересов. Сегодня «историк-древник» Перевалов оказывается в состоянии понять средневековый аланский язык за счет его передачи на письме греческими буквами, не видя оригинала, в том числе самого греческого текста, который хоть в какой-то степени мог бы быть доступен для его понимания, через транслитерацию и комментарии на современном языке. Так, все-таки «рыба может заниматься ихтиологией»? Пользуясь выводом «полемиста», sapienti sat, хотя в данном случае — intelligenti pauca.

- 4. Не в плане критики и без требования «...специального историографического исследования, чтобы не открывать заново америк», которое может оказаться, по С. М. Перевалову, в нужный ему момент, и «блохоискательством», отметим, что В. И. Абаев [59, 18, 19-20], как и другие специалисты вплоть до сегодняшнего дня [60, 595; 75; 76; 77; 44, 242; 42, 106; 38, 19, 56; 113; 114], также отнес данный переход к более позднему времени, учитывая данные Ясского глоссария.
- 5. «Словарная работа» С. М. Перевалова дает свои «плоды» и при его обращении к глоссе № 18, представленной в интернет-обращении как fiti vani pani с пояснением, что речь идет о дне рождении Иоанна Крестителя, или Предтечи, по-гречески. Перевалов в отношении пояснения (the forerunner, in greek) предпочитает говорить о «греческом подлиннике». Исходя из пояснения, производится сопоставление с ирон. Фыдуани — «Отец Иоанн», хотя следует в первую очередь привлекать дигор. Фидиуане (Фид-Иуане). Далее, своеобразно воспринимая наблюдения В.И. Абаева, Перевалов не исключает сопоставление Vani с именем божества Ойнон в дигорских вариантах Нартовского эпоса. Но что в их формах сопоставимо, и каково отношение формы Vani к оригинальной глоссе? К тому же, ее начальная согласная — исключительное явление для осетинского лексического фонда. Например, А.А. Фрейману во время работы над «Осетинско-русско-немецким словарем» В.Ф. Миллера пришлось даже специально ввести в словарь букву «В». Кроме того, сама глосса говорит о том, что еще не было перехода а→о перед носовым -п, т.е. сопоставлять можно только с доосетинским Иоан [73, 225-226; 78]. Причем, маргиналии могли бы поставить и вопрос перед решением Абаева о том, что имя св. Иоанна, вытесненное впоследствии у осетин именем Алаурди (Аларды) [72, 43-44], вошло в осетинский на двух разных этапах христианизации — сначала в форме Ойнон, а затем, при повторной христианизации, была заменена на форму Фыдуани, Иуане.

Трудно сказать, насколько оправданным будет привлечение имени Иоане из осетинской легенды, в которой отразились известные по грузинским хроникам сообщения о Вахтанге Горгосале [79]. Как бы то ни было, само христианское имя Иоанн вошло в ономастикон алан не позже XI в. (Anna Comn. Alex. I, 16, 3). Оно было хорошо известно населению Алании. Его носили и представители верховной светской и церковной власти Алании, например, правитель Алании Худдан/Худадан (Иоанн Хотеситан) и митрополит Алании-Ставруполя Иоанн Монастирион [121]. Оно продолжало бытовать в аланском ономастиконе и позднее. Например, в 1336 г., среди аланских князей, служивших монгольскому императору и направивших письмо Папе Римскому Бенедикту XIII, фигурирует и Joens. Одним из адресатов письма Бенедикта XIII к аланским князьям в 1338 г. являлся Joannes. Копии письма были посланы каждому из князей, благодаря чему в ватиканском реестре сохранились различные варианты имен, в том

числе и интересующего нас имени — Joannes, Johens, Joens, Juens, Jovens [46, 229-230]. Данные примеры указывают на сохранение соответствующей формы имени.

Название волшебного колеса, символизирующего солнце, Иоане (Иуане) цалх, исходя из «застывшей» формы имени, могло бы показать в пользу его появления в период христианизации алан или в период начала упадка христианства у алан. «Развившаяся» форма названия Ойнони (Уойнони, Иойнони) цалх, которую предполагают и в припеве песни (онай, уонай, уæнай), исполнявшейся женщинами при валянии шерсти [73, 228], могла появиться уже на последующем этапе затухания христианской традиции в аланской среде, когда сказывалось и нетерпимое отношение языка, что свойственно осетинскому языку, к формам слов с несколькими гласными подряд. Форма же Уйрони цалх могла появиться тогда же при контаминации с названием Руймони цалх, в котором отражено название чудовищного существа, видимо, сохранявшегося в аланской среде еще с дохристианского периода.

Перевалов еще и усугубляет свои предположения при сопоставлении с Ойнон, что в таком случае fitі может передавать «ос. фиццаг, «первый, первоначальный», с учетом контекста — «предшественник», Предтеча». Не будем говорить о том, что «контекст», «греческий подлинник», «основной греческий текст», в данном случае нам не известен, чтобы задействовать осмысление «предшественник». Кроме того, само определение Иоанна Крестителя (о Вαπτιστης) как Предтечи (о Проброµоς) не является библейским. Последняя гласная в fitі может принадлежать ко второй лексеме, исходя из дигор. Фид-Иуане. Полагать ее отнесение к имени Иоанна (Ιωαννης) более логично, т. к. такая форма в сокращенном варианте представлена в одном из опубликованных факсимиле в самом греческом тексте (65, fol. 116г), что должно было определять форму и для глоссатора. «Ос. фиццаг», на самом деле является дигор. фиццаг, тогда как ирон. фыццаг. Но в чем сопоставимы формы fitі и фиццаг? А если еще вспомнить, что Абаев считал [72, 487] саму осетинскую лексему (из финдз-и-аг/фындз-и-аг — «носовой», «передний») не очень древней, восстанавливая для «староосетинского (скифо-аланского)» *radam?

6. Видимо, можно уточниться и с заимствованием осет. хуцау/хуыцау из грузинского языка, при сохранении надежды, что это не вызовет у кого-нибудь «обличительной критики» в отношении зарубежной стороны. Изначально осет. хуцау/хуыцау связывали с собственно иранским лексическим фондом — иран. хита (хwataw>ново-перс. хиda), хиdavand — «бог» [80]. Впоследствии исследователи, учитывая аланский этап в этногенезе осетин, высказали мнение, что идея единого Бога пришла к аланам Кавказа в период их знакомства с христианством, и поставили осет. хуцау/хуыцау в зависимость от иных кавказских примеров (например, груз. хисеsi — «старейшина», «священник», лезг. хисат — «бог» и т.д.) [81].

Абаев, отрицая иранский источник осетинской лексемы, полагал, что с учетом христианизации алан на Кавказе, в условиях тесных контактов с местными народами, лексему следует считать заимствованной и указывал на наличие базы *xuc (a) — в ряде местных сакральных терминов. В то же время исследователь не исключал и контаминацию с иран. xutāw (xwatāw>ново-перс. Xudā), предложенную О. Szemerenyi [82]. Кроме того, в игре контаминаций Абаев допускал и участие осет. хецау/хицау — «господин» [83; 84]. Предлагались и иные решения [85; 86; 87; 88; 89]. Но их обоснованность не выглядит достаточно убедительной.

7. Возникают и вопросы о принципе научной объективности, вызываемые примерами обращения Перевалова к СМИ, в которых ученые обычно выступают с целью популяризации научных знаний. Так, он решил «заступиться» за далекие от исторической науки «рефлексии», по его определению, Т. Дзокаевой. Отметив необходимость, чтобы не попасть впросак, добросовестно и внимательно изучать труды В.Ф. Миллера и дру-

гих исследователей по осетинской истории, Перевалов начинает свою «поддержку» с предложения «нырнуть поглубже» и с обращения к поставленному В.Ф. Миллером вопросу о географическом или этническом, прямо выводящим на историю осетин, характере названия аланов. «Решение» достигается через труд Прокопия Кесарийского, в котором аланы расселяются до «Каспийских ворот». Их Миллер идентифицировал с Дербентским проходом [92].

Чего стоит такая «поддержка», можно понять из того, что данное ошибочное решение Миллера было оперативно и давно исправлено, например, Ю. А. Кулаковским. Впрочем, корректное отождествление «Каспийских ворот» Прокопия с Дарьялом было известно и до работы Миллера. Подтверждается оно и исследованиями современных ученых [93; 94]. Труды же Кулаковского хорошо известны Перевалову [95], прекрасно осознающему, судя по его же публикациям, что «Каспийским воротам» Прокопия соответствует не Дербентский, а Дарьяльский проход [96].

Прекрасно осознает Перевалов и прямую историческую связь осетин с аланами, когда в другой, более ранней своей газетной статье указывает, что для Кулаковского было несомненным фактом признание аланов иранским народом и предками осетин, фактом, доказанным исследованиями, прежде всего, Миллера. При таком подходе Перевалов указывает, что правомерность соотнесения истории аланов с ранней историей осетин оспаривается в ряде «не слишком глубоких публикаций» [122]. За прошедшие годы Перевалов изучил какие-то новые для науки источники, перевернувшие его представления и породившие собственную «глубокую публикацию»? Тогда почему он их нигде не продемонстрировал? Откуда такая «вариативность» убеждений?

Сам Перевалов отмечал, что аланы — ближайшие предки осетин (более далекие — скифы и сарматы). Но и здесь Перевалов не может удержаться от того, чтобы не указать в данном контексте, что изучение этого далекого прошлого осетин, начатого в России В.Ф. Миллером, Ю.А. Кулаковским, В.В. Латышевым, М.И. Ростовцевым, было прервано революцией 1917 г. [123]. Во всем виноваты большевики — это еще одна «любимая тема» историка-античника. Влияние политики на научные исследования, несомненно, было, но оно не такое прямолинейное и однозначное, как представляется Перевалову. И в ХХ в. в нашей стране были достигнуты огромные успехи в изучении истории алан. Конечно, каждый имеет право на собственное мнение, в том числе субъективное. Но имеет ли право на его навязывание? В конечном итоге, мы все вышли из советского прошлого. Не потому ли так по-большевистски звучат заявления того, кто так ненавидит большевиков? Не отсюда ли попытка при «поддержке» Т. Дзокаевой вызывать «демонов разрушения» из глубины собственного сознания, чтобы окружить ими образ своих воображаемых оппонентов?

Почему-то не удивляет, что сегодня уже Т. Дзокаева, «историк-экономист, автор трилогии по осетинской истории» (сегодня, видимо, уже «квадралогии»), обращается к Перевалову как к источнику своих «рефлексий» уже по поводу аланской фразы-приветствия: «Пробел был восполнен в русскоязычной литературе относительно недавно. В 1998 г. историк Сергей Перевалов ввел в научный оборот все 35 фраз Эпилога. Знаток древнегреческого языка дал и перевод, и характеристику других фраз-приветствий». Явно пытаясь «клонировать» сведения из работы Перевалова, автор демонстрирует свое «знание» работ Миллера, Мункачи, Абаева, Хунгера, а спустя «40 лет» после последней — Бильмайера. В результате Перевалов представляется в роли переводчика, исследователя и русскоязычного открывателя... «всех 35 фраз Эпилога». Перевалов заявлял, что предпринимает попытку открыть фразу для более широкой публики и для иранистов, чтобы подвигнуть тех к исследованиям [26, 4]. Увы, если иранисты сами открыли нам аланскую фразу, то «широкая публика» явилась к С. М. Перевалову в лице Т. Дзокаевой.

Сегодня для Дзокаевой, видимо, сделавшей свои соответствующие «выводы» из «поддержки», Перевалов становится тем авторитет, к которому, как к «историку, один из главных научных интересов которого состоит в обосновании конгломератного характера аланской общности», она обращается за разъяснениями о природе аланского языка [97]. «Главный научный интерес» авторитета может озадачить [98], если только не знать об указанной «поддержке». Как говорится, нашли друг друга... Впрочем, крайности всегда сходятся. Невольно вспоминается главная героиня произведения Льюиса Кэрролла: «...О Mouse!» (Alice thought this must be the right way of speaking to a mouse; she had never done such a thing before, but she remembered having seen in her brother's Latin grammar, «A mouse — of a mouse — to a mouse — a mouse — O mouse!»)» ...

Перевалов сопровождал свое «заступничество» за Дзокаеву цитатой из произведения Аристотеля о привычке видеть во всем смешное как признаке мелкой натуры. Лично мне гораздо ближе призыв Мюнхгаузена Е.И. Шварца улыбаться. Ближе и со стороны причин такого призыва, и со стороны образа автора, сформулировавшего не осознаваемый «мелкими натурами» принцип настоящего российского интеллигента: «Пишу все, кроме доносов». Саму свою статью Перевалов открыл цитатой теперь уже из произведения Н.В. Гоголя: «Над кем смеетесь?» Смеемся, действительно, над собой. Ведь, как известно, именно так человечество расстается со своим прошлым. С прошлым, в котором, в том числе, остается невежество, антинаучные представления и т.п., даже если их отголоски еще слышатся и сегодня как попытки «рефлексировать» в околонаучном пространстве. Смеяться необходимо, чтобы не сделать такое прошлое будущим, как делают те, кто в далеких от науки целях сегодня обращается именно к «опусам» Дзокаевой [116].

У них есть все шансы превратить прошлое в свое будущее, т. к. они, имея еще более ограниченные представления о той же аланской фразе из «Теогонии» Иоанна Цеца и посвященных ей исследованиях, уже пытались сомневаться в том, как «специалистами подобраны соответствия из осетинского языка», в «идентичности цитаты византийского писателя именно аланской речи», подозревали во фразе «набор слов из различных кавказских языков» [117; 118]. Их сторонники уже давно соответствующим образом «прочли» и Зеленчукскую надпись, и имя Алановийамута, отца Иордана. Перевалов наивно полагал, что чем-то исправит ситуацию с «наивными решениями» о тюркоязычном характере аланской фразы у Иоанна Цеца, т.к. сторонники подобных трактовок преследуют не научные цели. Интересно, сумеет ли он сохранить хотя бы видимость такой наивности, когда через ту же Т. Дзокаеву он будет поставлен рядом с ней на страницах «опусов», в которых преодолеют «сомнения» и перейдут к «доказательствам»?

Какова будет судьба скороспешного каталога «аланской эпиграфики», в котором в отношении той же Зеленчукской надписи, ставшей объектом околонаучной «борьбы», приведена привычно скудная для автора историографическая часть, не позволяющая оценить саму научную составляющую ее изучения? Утверждение, что по палеографическим особенностям надпись датируется в пределах X-XII вв., а Згуста сужает дату до XI-XII вв. [99: 7], может вызвать интерес только в том, что у Згусты палеографические особенности надписи позволили отнести ее к XI или XII вв., как предполагал еще В.Ф. Миллер.

К какой еще «борьбе» мы придем, «узнав» из других публикаций Перевалова, что «сохранились две копии: Д. М. Струкова и Г. И. Куликовского (1892 г.)», а «исследователи вынуждены работать с двумя не лучшего качества копиями» [27: 84; 2: 8]? В распоряжении исследователей находятся не две копии, а копия («рисунок с надписи») Струкова и выкопировка (репродукция) Миллера, для создания которой использовалась копия Струкова и оттиск Куликовского, последующая судьба которого, к сожалению,

до сих пор неизвестна. Исследователь Зеленчукской надписи Згуста специально особо оговорил разницу в характере использовавшихся учеными данных по Зеленчукской надписи, отмечая, что ее изначально хорошо понимал Миллер. Струков описал, нарисовал Зеленчукскую плиту, т.е. создал ее копию. Куликовский снял оттиск (анг. squeeze, cast, impression; фран. estampage, латин. Eclypum). Снятие «оттиска из бумаги» было очень важным моментом для последующих исследований. Эксперты в области эпиграфики указывают, что оттиск имеет большое значение, т. к. устраняет ошибку, которую может допустить человек в ходе предварительной интерпретации. Разница между копией и оттиском, как указывал Згуста, значительна, что иногда не осознается исследователями [43, 6-7, п. 7]. Можно говорить о том, что заявление Перевалова о копиях не соответствуют действительности, свидетельствуя о непонимании им характера источников и отсутствия профессиональных навыков для работы с эпиграфическими памятниками?

Уже нет в живых В.М. Гусалова, планировавшего создание «Мопumenta Linguae Alanicae». Закономерно не начался предполагаемый Переваловым «отсчет нового этапа в развитии алановедения» с момента выхода в свет «монументальной компиляции» А. Алемани, для которой он отмечал ограниченность использования эпиграфических памятников. Так зачем нужна такая спешка в компиляции «аланской эпиграфики»? Для того чтобы, не «ныряя поглубже» и не занимаясь «блохоискательством», попасть в неловкое положение, утверждая вслед за А. Алемани, что надпись из Мангупа не опубликована, хотя ее давно опубликовал и проанализировал сам автор находки В. А. Сидоренко? Или для того, чтобы расширить по публикации Ф. Альтхайма свой каталог «аланской эпиграфики» за счет «надписи с алано-осетинским (?) словом из станицы Апшеронской» [99, 5], тем самым потерпев полный провал? Исследователям давно известно, что данный «эпиграфический памятник» является фальшивкой, изготовленной в начале ХХ в. [124; 125; 126].

Исследователи давно оценили эту «находку» Альтхайма: «In Geschichte der Hunnen 1, fig. 16, Altheim reproduced an inscribed pebble, said to be found in the Kuban region, and dedicated to it a whole chapter. Discerning in the inscription a Greek sentence, an Alanic adjective, and a Turkish word, he drew from it far-reaching conclusions for the history of the alphabet in the kingdom of the Kidaritae and the early spread of Christianity among the Huns. Actually the «inscription» is a galimatias like other «inscriptions» on the forgeries which a man in Sebastopol turned out in the early years of this century. Being ignorant of the language, he copied — always with some distortions — Greek sentences or Homeric verses from some elementary textbooks» [127]. К кому примерять утверждения и определения о падении научного уровня после 1917 г., дилетантизме, некомпетентности, провинциализме, изоляционизме, безграничном неведении и т.п.?

8. Приведу небольшой пример. Перевалов для *airyaka→Hρακας отмечает только то, что «постулируемый некоторыми лингвистами переход *ary->*ir считается сомнительным» [99]. По вопросу происхождения осет. ir/iræ (iron) 25 лет назад все тем же Бильмайером была выдвинута гипотеза о его связи с иной основой (100]. Решение лингвиста нашло поддержку со стороны части его коллег [81, 35; 46, 38-39; 38, 271; 101; 50, 168; 114, 502]. Но возможность для такого решения была предложена еще около 150 лет назад [102] и непосредственно затем использовалась в этнографических работах об Осетии и осетинах [103]. Может, стоит использовать «кричащие цифры» для «критики» по поводу безграничного неведения современных исследователей, как зарубежных, так и отечественных, по поводу мирового научного уровня, изоляционизма, некомпетентности, провинциализма? Или есть «шанс» написать собственную статью и что-то ввести в научный оборот?

- 1. Туаллагов А. А. Заметка // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 9 (48).
- 2. *Перевалов С. М.* Заметки к чтению «старых и новых» памятников аланского имени и аланского языка // Вестник ВНЦ. 2012. Т. 12. № 4.
- 3. *Moravcsik J.* Barbarische Sprareste in der Theogonie des Johannes Tzetzes // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. 1930. Bd. VII. H. 3-4. S. 352-365.
- 4. *Перевалов С. М.* Еще раз о «варварских» фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск, 1998. Вып. V. С. 116.
- 5. Древности. М., 1907. Том двадцать первый. Вып. И. С. 148.
- 6. *Миллер В.* Ф. Работа г. Мункачи об аланских (осетинских) элементах в мадьярском языке // Древности Восточныя. М., 1907. Том третий. Вып. І. С. 19-23.
- 7. Munkácsi B. Blüten der ossetischen Volksdichtung. Budapest, 1932.
- 8. *Apor E.* Ossetic Materials among the Literary Remains of Bernard Munkacsi // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1963. T. XVI. F. 2. P. 225-227.
- 9. Munkácsi B. Ősi Magyar szerszámnevek // Magyar Nyelvör. 1933. S. 68.
- 10. Абаев В. И. Состояние и задачи изучения осетинского языка // ИСОНИИ. 1957. Вып. ХХ. С. 248.
- 11. НА СОГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. І. Д. 29. Л. 20-21.
- 12. Абаев В. И. Alanica // Известия Академии Наук СССР. М., 1935. № 9. С. 888-889.
- 13. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV. С. 236.
- 14. НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. І. Д. 32.
- 15. *Munkácsi B.* Beiträge zur Erklärung der «barbarischen» Sprachchreste in der Theogonie des J. Tzetzes // Körösi Csoma-Archivum. I. Kiegészitó kötet. 3. Füzet. 1937. S. 267-281.
- 16. *Gerhardt D.* Alanen und Osseten (Bereicht über neuere Arbeiten) // Zeitchrift der Deutschen Morgenlandishe Gesellschaft. 1939. Bd. 93 (Neue Folge Bd. 18). S. 37-46.
- 17. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. І. С. 254-259.
- 18. *Hunger H*. Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes. Neue Lesungen und Ergänzungen, besonders zu den alt-ossetischen Sprchresten, au seiner bisher unbekannten Handschrift der Österreichischen Nationalbibliohek (Phil. gr. 118) // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 46. Is. 1. S. 302-307.
- 19. *Перевалов С. М.* (Выступление) Материалы заседания «круглого стола», посвященного Дню науки (8 февраля 2002 г.) // Вестник ВНЦ. 2002. № 1. С. 29.
- 20. *Гранстрем Е.* Э. Глава 16. Наука и образование // История Византии в трех томах. М., 1967. Т. 2. С. 461.
- 21. *Бибиков М.В.* Этнический облик Северного Причерноморья по данным Иоанна Цеца // Études balkaniques. Sofia. 1976. № 4. С. 118.
- 22. Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. М., 1981. С. 64.
- 23. *Kazhdan A. P., Epstein A. W.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley-Los Angeles-London, 1985. P. 183.
- 24. *Каждан А. П.* Византийская культура (X-XII вв.). М., 1968. С. 14, 210.
- 25. Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 54, 140-141.
- 26. *Perevalov Sergeï M*. Les phrases alaines de Tzetzes // D'Ossétie et d'Alentuor. Bulletin de l'association ossète en France. Paris, 1997. № 3. P. 7.
- 27. Перевалов С. М. Памятники аланского языка и аланской письменности: современное состояние вопроса // Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития. Материалы международной конференции. М., 2006. С. 85.
- 28. Thordarson F. Die Ferse des Achilleus ein scythes motiv? // Symbolae Osloenses. Oslo,

- 1972. Fasc. XLVIII. 115.
- 29. *Thordarson F.* An Ossetic Miscellany Lexical Marginalia // Kalyānamitrārāganam. Essays in honour of Nils Simonsson. Oslo, 1985. P. 279.
- 30. *Thordarson F.* Sibilanten und Affrikkaten im Ossetischen // Georgica. Jena-Tbilisi, 1989. H. 12. S. 14.
- 31. *Thordarson F.* Ossetic language I. History and description (July 20, 2009] // Encyclopædia Iranica (http://www.iranicaonline.org/articles/ossetic].
- 32. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006. С. 183.
- 33. *Abaev V. I.* Alans // Encyclopædia Iranica. London, Boston, Melbourne and Henley, 1985. Vol. I. Fasc. 8. P. 801-803.
- 34. *Bailey H. W.* Additional notes // Encyclopædia Iranica. London, Boston, Melbourne and Henley, 1985. Vol. I. Fasc. 8. P. 803.
- 35. *Bielmeier R*. Das Alanische bei Tzetzes // Medioiranica. Proceedings of the International Colloquium organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 21st to the 23rd of May 1990. Leuven, 1993. S. 2.
- 36. Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // ВЯ. 1992. № 5. С. 52.
- 37. *Bielmeier R*. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main Bern Las-Vegas, 1977. S. 292.
- 38. Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ-Ц-хинвал, 2008. С. 2.
- 39. Перевалов С. М. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. 1998. Вып. 4. С. 99-100.
- 40. *Перевалов С. М.* Современное состояние аланских исследований в России (По поводу книги: Т. А. Габуев. Ранняя история алан по данным письменных источников] // ВДИ. 2002. № 2. С. 214.
- 41. *Перевалов С. М.* Ex fonte bibere. Актуальная проблема отечественного алановедения // Гуманитарная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2006. № 1. С. 26.
- 42. *Исаев М. И.* Аланский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. M_{\odot} , 1999.
- 43. *Zgusta L*. The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien, 1987.
- 44. *Bielmeier R*. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.
- 45. *Testen D.* A feminine/diminutive suffix in early Ossetian // NSL 7: Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics. Chicago, 1994. P. 312-315.
- 46. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 258, 390.
- 47. *Alemany A.* Addac, Alanenkönig in Hispania // // NARTAMONGÆ. 2007. Vol. IV. № 1, 2. P. 183.
- 48. Viredaz R. Alain μέσφιλι // Studia Iranica. 2003. T. 32. Fasc. 1. P. 35-46.
- 49. *Kambolov T.* Some New Observations on the Zelenchuk Inscription and Tzetzes' Alanic Phrases // Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 2007. P. 22.
- 50. *Kim R*. On the Historical Phonology of Ossetic: the Origin of the Oblique Case Suffix // NARTAMONGÆ. 2009. Vol. VI. № 1-2. P. 140-141, 161, 163-164.
- 51. *Перевалов С. М.* Из новой литературы по аланам // Вестник ВНЦ. 2004. Т. 4. № 2. С. 63.
- 52. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III. С. 45.
- 53. Сабо Ласло. Венгриаг ясты культуржйы этникон дзырдты уиджгтж // Фидиужг.

- Цхинвал. 1984. № 10. Ф. 80.
- 54. *Калоев Б. А.* Венгерские аланы (ясы). Историко-этнографический очерк. М., 1996. C. 257.
- 55. *Турчанинов Г.* Φ . Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990. С. 164.
- 56. Györffy Gy. A magyarság keleti elemei. Budapest, 1990. P. 316-318.
- 57. *Nemeth G*. Egy jász szójegyzék az országos levéltárban // A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvés Irodalomtudományi Osztályának Közleményei XII. 1958. № 1-2. P. 233-259.
- 58. Nemeth J. Eine Wörtlister der Jassen, der ungarländischen Alanen // Abhadlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrg. 1958. № 4. S. 1-36.
- 59. Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Орджоникидзе, 1960.
- 60. *Gershevich Ilya.* J. NEMETH: Eine Wörtlister der Jassen, der ungarländischen Alanen. (Abhadlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrg. 1958 Nr. 4) 36 pp., 2 plates. Berlin: Akademie-Verlag. 1959. DM. 7 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London, 1960. Vol. XXIII. P. 3. P. 595-596.
- 61. *Гершевич Илья*. I. Nemet. Eine Wörtlister der Jassen, der ungarländischen Alanen (Abhadlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, jahrg. 1958 Nr. 4] 36 стр., 2 листа. Берлин, издание Академии, 1959. D. M. 7 // ИСОНИИ. 1962. T. XXIII. Вып. I (Языкознание). С. 170.
- 62. *Bodrogligeti András*. NÉMETH, Gyula (17.09.2010) // Encyclopædia Iranica. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/nemeth-gyula
- 63. *Перевалов С. М.* Из истории открытия Петербургской рукописи БАН Q 12 с аланскими глоссами // Вестник ВНЦ. 2007. Т. 7. № 1. С. 22.
- 64. *Гусалов В. М.* (Выступление) Материалы заседания «круглого стола», посвященного Дню науки (8 февраля 2002 г.) // Вестник ВНЦ. 2002. № 1. С. 28.
- 65. *Engberg E.*, *Lubotsky A*. Alanic Marginal Notes in a Byzantine Manuscript: a Preliminary Report // NARTAMONGÆ. 2003. Vol. II. № 1-2. P. 41-46.
- 66. Аланские заметки на полях византийского манускрипта XIII века // Северная Осетия. 18 ноября 2003 г. № 217 (24018). С. 5.
- 67. *Ivanov S. A.*, *Lubotsky A*. An Alanic Marginal Note and the Exact Date of John II's Battle with the Pechenegs // Byzantinische Zeitschrift. 2011. Vol. 103/2. P. 595-603.
- 68. *Хабичев М. А.* Некоторые итоги дешифровки западнотюркских рунических надписей // Анализы текстов по истории татарского литературного языка. Казань, 1987. С. 25.
- 69. Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993. С. 112.
- 70. *Мириджанян Левон.* Истоки армянской поэзии. URL: http://www.armenianhous.org/mirijanyan/armenian-poetry/3.html
- 71. Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003. С. 305.
- 72. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I. C. 203.
- 73. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II. С. 147, 169.
- 74. *Kerkhof P. A.* Alanic or Pre-Ossetic glosses in a Byzantine manuscript (15/08/2011). URL: http://vroegemiddeleeuwen.weblog.leidenuniv.nt/category/caucasus
- 75. *Thordarson F.* Zgusta Ladislav.: The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987 gr.–8°, 68 S., 2 Taf (SbÖAW, 486; Veröflentlichungen der Iranischen Kommission, 21) Brosch. 210 ös/30/DM //

- Kratylos 33. Wiesbaden, 1988. S. 94.
- 76. Thordarson F. Ossetic // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989. P. 420.
- 77. Thordarson F. Old Ossetic Accentuation // NARTAMONGÆ. 2008. Vol. V. N 1-2. P. 198.
- 78. *Абаев В. И.* Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С. 131-132.
- 79. Пчелина Е. Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии (По поводу находки сасанидского кубка) // Труды Отдела Истории культуры и искусства Востока. Л., 1947. Т. 4. С. 144.
- 80. Штакельберг Р.Р. Заметка о некоторых персидских словах в осетинском языке // Древности Восточныя. М., 1890. Том первый. Вып. II. С. 140.
- 81. *Knobloch J.* Homerische Helden und christliche Heilige in der Kaukasischen Nartenerik. Heidelberg, 1991. S. 67.
- 82. *Szemerenyi O.* Syncope in Greek and Indo-European and the Nature of Indo-European Accent. Naples, 1964. N. 5. P. 360-361.
- 83. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV. С. 255-256.
- 84. *Thordarson F.* Linguistic Contacts between the Ossetes and the Kartvelians // NARTAMONGÆ. 2011. Vol. III. N 1, 2. P. 232.
- 85. Беляев М. В. Осетинские этимологии // Записки (Северо-Кавказский Краевой Горский Научно-Исследовательский Институт). Ростов-на-Дону, 1929. Т. II. С. 262.
- 86. Джусойты Н. Ныхастерминтæ «Уас+хо»
æмæ «Хуы+цау» ытыххей // Махдуг. 1979. №2. Ф. 107-108.
- 87. Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.
- 88. Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (І-Х вв.). Ереван. 1989. С. 62.
- 89. Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994. С. 78.
- 90. Hиконоров В. П. Вступительное слово // Хазанов А. М. Избранные научные труды. СПб., 2008. С. 9.
- 91. Перевалов С. М. (Некролог) // Вестник ВНЦ. 2004. Т. 4. № 4. С. 47.
- 92. *Перевалов С. М.* О предмете давешнего веселья // Фыдыбæстæ. Декабрь 2008. № 2 (95]. С. 1.
- 93. *Гаглойти Ю. С.* О Каспийских воротах Прокопия Кесарийского // ИЮОНИИ. 1964. Вып. XIII. С. 47-51.
- 94. Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 136-140.
- 95. Кулаковский Ю. М. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 124.
- 96. Перевалов С. М. Железные ворота Александра: легенда и действительность // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашутина. М., 2002. С. 177.
- 97. *Дзокаева Тина*. Тапанхас, месфили хсина, кортин, то фарнетдзн, киндзи, месфили кайтефуа // Пульс Осетии. 6 декабря 2011 г. № 47. С. 3.
- 98. Гаглойти Ю. С. И вновь аланофобия // Южная Осетия. 28 января 2012 г. №№ 10-11 (2098). С. 8.
- 99. *Перевалов С. М.* Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник ВНЦ. 2011. Т. 11. № 1. С. 5.
- 100. *Bielmeier R*. Zum Namen der Kaukasischen Iberer // Nubia et Oriens Christianus. Festschrift für C. Detlef G. Müller zum 60. Geburtstag. Köln, 1988. S. 99-106.
- 101. Дзиццойты Ю. А., Салбиев Т. К. О книге Дж. Чёнга «Очерки исторического развития осетинского вокализма» // Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ-Цхинвал, 2008.

- 102. *Шопен И*. Новые заметки по древния истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866. C. 204-205.
- 103. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. 1883. Вып. 3. С. 181-182.
- 104. Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). М., 2002. С. 7.
- 105. Исаев М. И. Василий Иванович Абаев. М., 2000. С. 3, 4, 13, 14, 139, 140.
- 106. НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. І. Д. 84. Л. 177.
- 107. *Кузнецов В. А.* Раздел 2. Глава 2. Аланы и хазары. Социальные процессы // История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII в. Владикавказ, 2012. С. 256.
- 108. Кузнецов В. А., Гутнов Ф. Х., Цуциев А. А. Раздел 2. Глава 5. Алания в X-XII вв. Возникновение раннефеодальной государственности // История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVII века. Владикавказ, 2012. С. 289.
- 109. Перевалов С. М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство: Диспозиция против аланов. М., 2010. С. 203-205, сн. 49.
- 110. Нефедкин A. K. C. M. Перевалов Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство: Диспозиция против аланов. М., 2010 // ВДИ. 2012. № 2. С. 183.
- 111. *Мамаев Х. М.* О главе II «Истории Ингушетии» // Сборник рецензий. «История Ингушетии». Магас-Нальчик, 2011 г. Грозный, 2013 (рукопись).
- 112. Стеблин-Каменский И. М. От научного редактора. Девочка из Осетии в стенах СПбГУ // Харебати З. Ф. Заратушт-Наме. Ормазд-Яшт. Фарвардин-Яшт. Саади, Гулистан. Цхинвал, 2010. С. 6.
- 113. Дзиццойты Ю. А. От составителя // Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии: в 3 т. Т. І: Дзауский район. М., 2013. С. 40.
- 114. *Цховребова* 3. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии: в 3 т. Т. І: Дзауский район. М., 2013. С. 233, 475, 493.
- 115. Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 215.
- 116. Дахкильгов И. Д. Ингушский нартский эпос. Нальчик, 2012. С. 428.
- 117. Арсанукаев Р. Д. Вайнахи и аланы. Баку, 2002. С. 127, прим. III.
- 118. Ильясов Л. М. О двух надписях на аланском языке // Вопросы истории Ингушетии. Исследования и материалы. Магас, 2004. Вып. 1. С. 89-90.
- 119. Алемани А. Язык алан: общая проблематика // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013. С. 120.
- 120. Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 159.
- 121. Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. М., 2011. С. 50-51, 59-60, 62, 65, 246, 249.
- 122. *Перевалов С. М.* Ю. А. Кулаковский в культуре России и Осетии // Северная Осетия. 7 сентября 1995 г. № 168 (21972). С. 3.
- 123. *Перевалов С. М.* О «Влесовой книге», нашем общем наследии и историческом мифотворчестве // Северная Осетия. 20 июня 1998 г. № 114 (22670). С. 5.
- 124. *Kurz O*. The Pebble from Apsheronsk and its Alleged Greko-Alanic Inscription // Journal of the American Oriental Society. 1962. Vol. 82. № 4. P. 553-554.
- 125. *Robert L.*, *Robert J.* Revue des Études Grecques // Bulletin épigraphique. 1964. Vol. LXXVII/1. P. 137-138.
- 126. *Каштанов Д. В.* О фальсификациях надписей на Кавказе // XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 335.
- 127. *Maenchen-Helfen O*. The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkley-Los Angeles-London, 1973. P. 385. № 82.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВЯ — Вопросы языкознания. М.

ИАА — Историко-археологический альманах. Армавир-М.

ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе.

ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Тбилиси (Цхинвал).

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.